E13
377.

Е13—
377

А. А. Шахматовъ.

ОПИСАНІЕ

ЛѢКИНСКАГО ГОВОРА

ЕГОРЬЕВСКАГО УѢЗДА РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Посвящается профессору Олафу Броку).

Л 31

Отделение Русского языка и словесности
Постоянная Комиссия
Словаря
А.С.С.С.Р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1914.

Н

9/A
Ш-31
Е13-
377

А. А. Шахматовъ.

ОПИСАНІЕ

ЛѢКИНСКАГО ГОВОРА

ЕГОРЬЕВСКАГО УѢЗДА РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Посвящается профессору Олафу Броку).

№ 311.
1090
Словарный отд. И-та Языка и Мышл. АН СССР 1434
При Отделении Русского языка и словесности Имп. А.Н. Постоянная Словарная комиссия

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1914.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Май 1914 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 27607 1966

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, т. XVIII (1913 г.), кн. 4.

Описаніе Лѣкинскаго говора Егорьевскаго уѣзда Рязанской губерніи.

(Посвящается профессору Олафу Броку).

Деревня Лѣка (по оффиціальному правописанію Лека) находится въ Лѣкинской волости, въ приходѣ Казанской церкви, въ восточной части Егорьевскаго уѣзда, на берегу озера Дубового. Мѣстность за этимъ озеромъ, составляющимъ одно цѣлое съ Свять-озеромъ, принадлежитъ къ Касимовскому уѣзду. Къ сѣверу отъ Лѣки, верстахъ въ двадцати, проходитъ граница Судогодскаго уѣзда Владимірской губерніи; приблизительно въ такомъ же разстояніи къ югу идетъ граница Рязанскаго уѣзда. Желѣзнодорожная станція Черусти Московско-Казанской дороги (вѣтка Люберцы-Арзамасъ) лежитъ въ Судогодскомъ уѣздѣ и отстоитъ отъ Лѣки верстахъ въ двадцатипяти; станція Спасъ-Клепики узкоколейной Рязанско-Владимірской желѣзной дороги находится въ Рязанскомъ уѣздѣ и отстоитъ отъ Лѣки верстахъ въ двадцати по зимнему пути черезъ озеро. Отъ Егорьевска до Лѣки верстъ семьдесятъ. Лѣкинская и прилегающая къ ней Архангельская волости носятъ названіе Ялматъ, Ялмотъ; ср. названіе рѣчки «Ялма», протекающей въ этихъ мѣстахъ и впадающей въ рѣку Пру; Пра беретъ начало изъ озера Дубового и течетъ въ Оку. Ялматскія селенія, связанныя въ глубокой древности принадлежностью къ одному приходу (Николо-Ялматскому, выдѣлившему изъ себя три новыхъ прихода: Архангельскій, Казанскій и Пятницкій), объединяются и теперь еще общимъ промысломъ ихъ жителей: это преимущественно плотники; мужское населеніе уходитъ

на свой промыселъ въ Московскую и сосѣднія съ нею губерніи. Сознавая свое единство, Ялматчане рѣзко отличаютъ себя отъ жителей сосѣднихъ волостей, расположенныхъ къ востоку и югу: за озеромъ Дубовымъ живутъ «Мама́и»—это, вѣроятно, старое названіе для татарскаго населенія Касимовскаго края; далѣе «Тумаки» (жители Тумы) и «Куршаки» (жители Куршева), рѣзко отличающіеся отъ жителей Ялмата своимъ говоромъ; въ Спасъ-Клепикахъ—«Баляки» или «Поляки»; послѣднее названіе извѣстно и въ Спасъ-Клепикахъ; оно объясняется тамъ (напр. въ деревнѣ Первушкиной) тѣмъ обстоятельствомъ, что значительная часть Спасъ-Клепиковской волости принадлежала Смоленскому помѣщику Вонлярскому. Любопытно, что въ Судогодскомъ уѣздѣ (село Пустоша) жители увѣряютъ, что «искренне-русскіе» они, Судогодцы, а что въ Ялматѣ и дальше живетъ «Литва». Совершенно ясно, что издревле Ялматъ опредѣлялся съ трехъ сторонъ, сѣверной, восточной и южной, этнографическими границами, между тѣмъ какъ съ запада населеніе Ялмата сливалось съ однороднымъ населеніемъ другихъ частей Егорьевскаго уѣзда. Теперь эта граница рѣзко опредѣляется звуковыми особенностями живой рѣчи: на сѣверѣ, въ Судогодскомъ уѣздѣ, окаютъ, между тѣмъ какъ въ Ялматѣ акаютъ, на югѣ, въ Спасъ-Клепикахъ, произносятъ фрикативное γ вмѣсто господствующаго въ Ялматѣ мгновеннаго g. Отличія болѣе восточныхъ говоровъ остались для меня не выясненными, но я имѣю въ виду рѣшительныя утвержденія жителей Ялмата о томъ, что за озеромъ говорятъ совсѣмъ иначе, чѣмъ у нихъ[1]).

Едва ли говоръ всего Ялмата представляетъ языковое единство. Оставляя въ сторонѣ неравномѣрное вліяніе московскаго нарѣчія на мужское и женское населеніе, причемъ послѣднее сохранило старыя черты говора, постепенно вытѣснявшіяся въ мужскомъ населеніи, отмѣчу, что и среди мужского населенія далеко не всѣ говорятъ по-московски.

---

1) Говорятъ, что въ Тумѣ смѣшиваютъ ж и з, ш и с: Яγор жа ижгародай. Ср. наблюденія Е. Ѳ. Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ, Казань. 1896. Впрочемъ, эту же черту приписываютъ Спасъ-Клепиковскимъ балякамъ; я ея у нихъ не замѣтилъ; въ Ялматѣ ихъ пересмѣиваютъ такъ: Гдѣ былъ? «На Шпаси». А што купилъ? «Тиш'е́лку» (теслу). На што? «Мат' пам'ерла́, в гроп н'е вла́за, хачу јеjо́ (т. е. јеγо, вмѣсто јево) н'емношка пат'еша́т'».

Отдѣлавшись въ большинствѣ случаевъ отъ цоканья (произношенія *ц* вмѣсто *ч*), упорно держащагося у бабъ, многіе мужчины сохраняютъ типичныя особенности мѣстнаго говора (напримѣръ, *ф* вмѣсто *х* въ концѣ слога, узкое *е* передъ отвердѣвшимъ *ц*, мягкое *к* послѣ мягкой согласной предшествующаго слога); но нѣкоторые изъ нихъ успѣли освободиться отъ этихъ чертъ, въ особенности учившіеся въ школѣ и жившіе по долгу въ городахъ. Возможно, что и мѣстныя особенности представляютъ діалектическія различія: такъ по сообщенію жителей Лѣки въ Перхуровѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Лѣки, говорятъ на *ц*, а именно произносятъ *ц* въ слогѣ предударномъ на мѣстѣ открытаго *е*: въ Лѣкѣ говорятъ пе́ром, несу съ открытымъ *е*, въ Перхуровѣ пи́ром, ни́су.

Нижеслѣдующія наблюденія были произведены мною въ теченіе двухъ кратковременныхъ пребываній въ Лѣкѣ, сначала въ концѣ декабря 1912 года, а потомъ въ началѣ апрѣля 1913 г. Производились они при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, благодаря тому, что мнѣ случайно пришлось познакомиться и затѣмъ сблизиться съ однимъ изъ жителей деревни Лѣки Иваномъ Степановичемъ Гришкинымъ, оказавшимъ мнѣ весьма значительныя услуги въ моей работѣ. Сначала И. С. Гришкинъ, пригласивши меня остановиться въ своемъ домѣ, далъ мнѣ возможность произвести наблюденія надъ говоромъ нѣсколькихъ старыхъ женщинъ и записать отъ нихъ нѣсколько сказокъ и пѣсенъ. Потомъ, заинтересовавшись моею работой и путемъ распросовъ узнавъ, въ чемъ состоитъ ея смыслъ, И. С. Гришкинъ сообщилъ мнѣ нѣсколько своихъ наблюденій надъ звуками Лѣкинскаго говора и отношеніемъ ихъ къ письменнымъ изображеніямъ. И. С. Гришкинъ имѣетъ отъ роду 29 лѣтъ; кончилъ Лѣкинское начальное училище; чтеніемъ и размышленіемъ достигъ весьма значительнаго развитія; отхожій промыслъ—онъ плотникъ—далъ ему случай побывать на работѣ и въ Москвѣ, и въ Саратовѣ, и въ Твери, и даже въ Сибири; онъ не утратилъ жажды къ просвѣщенію и знанію; интересуется особенно естественными науками; началъ изучать нѣмецкій языкъ.

Когда я обратилъ вниманіе И. С. Гришкина на то, что въ его произношеніи я въ двухъ словахъ «кофта» и «почта» слышу на мѣстѣ *о* дифтонгъ *ŭо* (кŭофтă, пуоштă), онъ выразилъ удивленіе по поводу

того, что я не слышу *ŭo* и въ рядѣ другихъ словъ, напримѣръ, въ словахъ вŭоткă (водка), кŭожă, пŭоп, Пŭолă, нарŭот въ противоположность словамъ, какъ воду, полă, сон, костъ, гдѣ слишится простое *о*). Долго я не могъ схватить этого звука въ произношеніи Гришкина; я не слышалъ въ приведенныхъ словахъ ни дифтонга *ŭo*, ни закрытаго (напряженнаго) *о*, которое, какъ я зналъ изъ изслѣдованія О. Брока о Тотемскомъ говорѣ[1]) и изъ нѣкоторыхъ другихъ данныхъ, чередуется съ дифтонгическимъ произношеніемъ *о*. Между тѣмъ мои распросы убѣждали меня въ томъ, что въ произношеніи Гришкина звукъ, опредѣляемый имъ какъ *ŭo*, *уо*, а для краткости называемый придуманнымъ имъ терминомъ «фальшивое *о*», является въ тѣхъ самыхъ словахъ, въ тѣхъ самыхъ фонетическихъ положеніяхъ, въ какихъ онъ отмѣченъ, съ одной стороны, О. Брокомъ для Тотемскаго и В. Мансикка для Грязовецкаго говора, а съ другой, нѣкоторыми записями изъ Вятской, Воронежской, Курской губ. и нѣкоторыми сообщеніями изъ Костромской, Рязанской, Тульской и др. губерній. Моя лингвистическая бесѣда съ Гришкинымъ стала еще оживленнѣе, когда онъ самъ поставилъ мнѣ вопросъ, слышу ли я въ его произношеніи различіе между звуками, соотвѣтствующими буквамъ *е* и *ѣ*. Признаюсь, я этого различія также не могъ разслышать въ первый мой пріѣздъ въ Лѣку, но убѣдился тогда же въ томъ, что особый отъ *е* звукъ Гришкинъ произноситъ только въ положеніи подъ ударéніемъ въ соотвѣтствіи съ этимологическимъ *ѣ*; самъ Гришкинъ утверждалъ, что *е* и *ѣ* различаются въ произношеніи не всегда, но только въ нѣкоторыхъ случаяхъ (онъ не сумѣлъ обобщить эти случаи понятіемъ объ ударяемости). Тщательная повѣрка отдѣльныхъ случаевъ показала, что наблюденіе Гришкина не стоитъ въ связи съ какимъ либо искусственнымъ построеніемъ (основаннымъ на фактахъ письма), ибо онъ утверждалъ, что слышитъ этотъ особый звукъ иногда и тамъ, гдѣ на письмѣ ему соотвѣтствуетъ буква *е*, напр. въ словѣ мѣлкăй, а также въ словахъ лѣнтă, карѣтă, табурѣткă; напротивъ, *е*, а не *ѣ*, въ словѣ ретькă, гдѣ этимологически оправдывается звукъ *е*, въ словѣ хмель и

1) О. Брокъ, «Описаніе одного изъ говоровъ Тотемскаго уѣзда Вологодской губерніи» въ Сборн. Отд. р. яз. и сл., т. 83.

др. И. С. Гришкинъ сообщилъ мнѣ, что наблюденіе надъ существованіемъ двухъ *о*, одного «настоящаго», другого «фальшиваго» въ своемъ произношеніи онъ сдѣлалъ давно, еще въ школѣ, причемъ его удивляло, почему два разныхъ звука изображаются одной буквой; по его воспоминаніямъ, и его товарищей по школѣ затрудняла необходимость произносить одинаково (согласно съ требованіемъ письма) два разныхъ звука; это затрудненіе было замѣчено учителемъ, который посовѣтовалъ читать *о* различно, сообразно съ различнымъ его произношеніемъ. Рѣзкое отличіе *ѣ* отъ *е* облегчало Гришкину, по его словамъ, правильное различеніе буквъ *е* и *ѣ* на письмѣ. Сильно заинтересовавшись сообщеніями Гришкина, я съ радостью принялъ его предложеніе прислать мнѣ описаніе свадебнаго обряда, наблюдаемаго въ Ялматѣ; онъ обѣщалъ различить въ своей записи «фальшивое *о*» отъ настоящаго, а также *е* и *ѣ* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такое различеніе свойственно его произношенію.

Въ серединѣ января я получилъ это описаніе и убѣдился въ томъ, что Гришкинъ дѣйствительно сохраняетъ особое произношеніе *о* (близкое къ *ŭо*) вездѣ, гдѣ на него указываютъ другіе говоры и теоретическія соображенія: этотъ звукъ Гришкинъ предполагалъ сначала передавать церковнославянскою буквою ѹ, но передалъ его буквой *о* съ надписаннымъ надъ нею *у*, отказавшись отъ предложенной мною передачи его черезъ *уо*, такъ какъ «фальшивое *о*»—это одинъ звукъ, а не два. Въ своей записи Гришкинъ буквой *ѣ* передалъ послѣдовательно тотъ звукъ, который подъ удареніемъ восходитъ къ этимологическому *ѣ*, а также въ нѣкоторыхъ словахъ изъ книжной рѣчи—къ *е* (карѣта, лѣнта). По моей просьбѣ Гришкинъ сталъ продолжать записывать, и въ скоромъ времени я получилъ отъ него нѣсколько сказокъ и пѣсенъ. Во всѣхъ этихъ записяхъ Гришкинъ старался вообще точно передавать слышимые имъ звуки: такъ онъ почти систематически ставилъ надъ буквой *а* въ слогѣ неударяемомъ и не предударномъ, а также и неконечномъ букву *ы* съ знакомъ *, или рѣже букву *э* съ знакомъ *, обозначая такимъ способомъ звукъ редуцированный или неполнаго образованія; звукъ *г* взрывное Гришкинъ систематически изображалъ черезъ *г* съ надписаннымъ надъ нимъ *х* со знакомъ ‾, отмѣчая этимъ, какъ онъ объяснялъ потомъ, что *г* произносится безъ придыханія, несходно съ *х*; нерѣдко

имъ обозначалась мягкость согласныхъ, какъ церʲти, царевʲни. Словомъ Гришкинъ стремился дать фонетическую запись своей рѣчи, отчасти отступая въ сторону произношенія старшаго поколѣнія, напр. проводя *и* на мѣстѣ *и*, между тѣмъ какъ цоканіе ему чуждо.

Въ началѣ апрѣля я рѣшилъ повидаться съ Гришкинымъ, чтобы при его помощи произвести еще рядъ наблюденій надъ Лѣкинскимъ говоромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я провѣрилъ всѣ его записи и исправилъ ихъ особыми отмѣтками, согласно съ его указаніями и дѣйствительнымъ его произношеніемъ; въ его присутствіи я велъ разговоры съ деревенскими жителями, преимущественно со старыми женщинами: это давало мнѣ возможность тутъ же наносить мои наблюденія на бумагу. Кромѣ того я подробно остановился на звукахъ *ŭo* и *ъ* въ произношеніи Лѣкинскихъ крестьянъ и, кажется, достигъ того, что сталъ вѣрно воспроизводить звукъ *ŭo*; произношеніе *ъ* давалось мнѣ труднѣе. Вмѣстѣ съ Гришкинымъ я составилъ списокъ словъ, гдѣ въ его говорѣ слышатся *ŭo* и *ъ*; впрочемъ, особый списокъ словъ съ *ъ* Гришкинъ приготовилъ для меня кромѣ того самъ.

Въ основаніе сообщаемаго здѣсь описанія положены мои записи. Но самое существенное заимствовано изъ того письменнаго и устнаго матеріала, который доставилъ мнѣ И. С. Гришкинъ. Приношу ему мою глубокую благодарность. Безъ его помощи я не разобрался бы въ особенностяхъ Лѣкинскаго говора.

Я рѣшился обнародовать свое описаніе между прочимъ по тому особенному интересу, который говоры, подобные Лѣкинскому, представляютъ для исторіи образованія великорусскаго нарѣчія: здѣсь слились въ одно стройное цѣлое особенности сѣвернорусскія (сѣвернорусскій консонантизмъ) съ особенностями среднерусскими или восточнорусскими (восточнорусскій вокализмъ) [1]).

---

1) Въ транскрипціи держусь буквъ русскаго алфавита; дополняю ихъ буквами: *ŭ* для звука между *у* и *о* (въ отдѣльномъ видѣ произносящагося какъ *уо*), *ă* для редуцированнаго глухого звука, *γ* для фрикативнаго *г*, *j* для неслогового *и*, буквой *ѣ* означаю звукъ средній между *и* и *е*; буквой *ă*—редуцированный звукъ болѣе открытый, чѣмъ *ă*; мягкость согласныхъ обозначается знакомъ ʲ надъ буквой.

Фонетика.

Гласныя звуки.

Въ Лѣкинскомъ говорѣ извѣстны гласныя полнаго и неполнаго образованія. Первыя находимъ какъ въ ударяемомъ, такъ и въ неударяемомъ положеніи, вторыя въ неударяемыхъ слогахъ и также въ слогахъ слабоударяемыхъ.

Гласныя полнаго образованія.

Сюда относятся гласныя задняго ряда: а, о, ô, ω, ω̂, у; гласная средняго ряда: ы; гласныя передняго ряда: ä, е, ê, ѣ, ѣ̂, и. Изъ нихъ гласныя ä, о, ô, ω, ω̂, ѣ, ѣ̂, ê извѣстны только подъ удареніемъ. Остальныя гласныя извѣстны какъ въ ударяемомъ, такъ и въ неударяемомъ положеніи. Впрочемъ, звуки *а* и *е*, кромѣ ударяемаго слога, встрѣчаются вообще только въ слогѣ предударномъ, а звукъ *а* кромѣ того еще въ началѣ слова въ слогахъ третьемъ и дальнѣйшемъ отъ ударенія. По общему правилу гласныя неударяемыя произносятся короче, чѣмъ подъ удареніемъ. Слѣдовательно, рядомъ съ ударяемыми *у*, *и*, *ы* извѣстны въ неударяемомъ положеніи краткія (и вмѣстѣ съ тѣмъ не напряженныя) *у*, *и*, *ы*; рядомъ съ ударяемыми *а*, *е* извѣстны въ неударяемомъ положеніи, а именно въ предударномъ слогѣ, краткія *а*, *е*; краткое *а* извѣстно въ началѣ слова также и въ другихъ неударяемыхъ слогахъ, не только предударномъ.

— Звукъ *а* подъ удареніемъ соотвѣтствуетъ общерусскому *а*: даст, бумагу, с'иреда, знаju, заиц; послѣ мягкой согласной: п'атαj, м'асα. Точнѣе было бы говорить о нѣсколькихъ различныхъ звукахъ въ этихъ и подобныхъ словахъ: болѣе задній оттѣнокъ и притомъ закрытый (напряженный) передъ *л*, напр. дал, знал; болѣе передній передъ слѣдующимъ мягкимъ звукомъ: ср. *а* въ брат' при болѣе заднемъ *а* въ брат; болѣе передній оттѣнокъ имѣетъ *а* и послѣ мягкихъ согласныхъ: р'ат. Эти оттѣнки тождественны съ тѣми, которые свойственны обычному литературному произношенію. Въ положеніи между мягкими согласными *а* замѣняется звукомъ передняго ряда ä: з'ät', п'ät', который въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходитъ въ ê: ӓп'ê̈т', м'ê̈чик.

Неударяемое *а* ограничено въ своемъ употребленіи, съ одной стороны, положеніемъ не послѣ мягкихъ согласныхъ (послѣ нихъ находимъ вмѣсто *а*—*е*), съ другой, положеніемъ послѣ твердой согласной только въ предударномъ слогѣ. Соотвѣтствуя какъ общерусскому *а*, такъ и общерусскому *о*, звукъ *а* неударяемое является такимъ образомъ, во-первыхъ, въ слогѣ предударномъ: замо́к, траву́, сама, праси́, стаjа́т, нашу́, сѝрата, гαлава; во-вторыхъ, въ началѣ слова (какъ въ предударномъ, такъ и въ другихъ неударяемыхъ слогахъ): аддаj, астаф́, аднавѡ, атпуст́ит́, ацлужыл.

— Звукъ *о*, такъ же какъ въ московскомъ нарѣчіи, извѣстенъ только подъ удареніемъ, но ограниченъ въ своемъ употребленіи условіями, чуждыми названному нарѣчію; а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ восходитъ къ исконному, общерусскому *о*, въ соотвѣтствіи съ этимъ звукомъ находимъ не только *о*, но и ѡ, при чемъ условія появленія *о*, съ одной стороны, ѡ, съ другой, не могутъ быть опредѣлены изъ современныхъ звуковыхъ отношеній; они ведутъ насъ къ акцентнымъ отношеніямъ древнерусскаго языка, выясняющимся путемъ сравнительнаго изученія славянскихъ языковъ. Изслѣдованіе этихъ отношеній и выясненіе ихъ связи съ распаденіемъ исконнаго *о* на два звука: *о* и ѡ—не можетъ входить въ задачу предлагаемаго діалектологическаго описанія, и я ограничиваюсь констатированіемъ фактовъ. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что ударяемое *о* восходитъ, во-первыхъ, къ исконному *о*, во-вторыхъ, къ другимъ общерусскимъ звукамъ (а именно къ ӧ изъ *е* послѣ мягкой согласной, къ *ъ* и къ *ы*). Приведу примѣры для звука *о* различнаго происхожденія.

Звукъ *о* на мѣстѣ исконнаго *о* по общему правилу является только въ начальномъ слогѣ слова. Располагаю примѣры по нѣсколькимъ категоріямъ для сопоставленія ихъ съ примѣрами для звука ѡ, которые дамъ ниже.

Существительныя:

Слова муж. и женск. р., односложныя въ имен. ед.: нос, вор, мост, воск, моск (мозгъ), рост, ростам́, сор, ток, лом, ком, кон, пол, гот (годъ), плот (плодъ), кроф (кровъ), слон, гром

(ат грома), бок, пот, сток (стогъ), хот (ходъ), грош, вол[1]), дрост (дроздъ), род (сроду), сом, мот, мор, Бох (Богу), дом (в доми, домѣ), гроп (из гробѣ), стон, бор,
осѣ, лосѣ, гостѣ (гостѣи), солѣ (солѣю), ноц (ноцы), моц (моцы), дроп (дробь), вонь, костѣ, тонь, кроф (кровь).

Слова женск. и средн. рода двусложныя въ имен. ед., имѣющія *о* подъ удареніемъ во всѣхъ или въ нѣкоторыхъ падежахъ:

розѣи, ногу, ногѣи, косу, офцы, ф пору, с тѣх пор, совы, соф, дрогѣи, дрожжѣи, вожжѣи, Олѣ, кровлѣ, пробѣ, сопли, Колѣ (м. р.), дрошкѣи, кочкѣ, ровнѣ, стопкѣ, холкѣ, почкѣ, почвѣ, скопкѣ (скобка); просѣ, горѣ, словѣ[2]), полѣ, морѣ, ф полѣи, в морѣи, окнѣ (им. мн.), говнѣ (им. мн.).

Слова муж. рода двухсложныя и многосложныя въ имен. ед.:

почирк, повѣр, сторѣш (сторожъ), промѣх, Прохѣр, грохѣт, роспуск, кочит, колакѣл, окарѣк, молодиц, сокѣл, мостпкѣи, а подвигѣф (о подвигахъ), на поиси, ис потпалу, голѣс, горѣт, борѣф, голѣт, волѣс, ворѣх, ворѣт, порѣх, вин. мн. обруцѣи,

коріи, локѣт, лодыр, ногѣт, голуи, собѣл, омѣл (омуль), госпади, нохти.

Слова женск. рода на мягкую согласную двусложныя и многосложныя въ имен. ед.:

голіи, погѣи, сволѣч, плошшѣт, копѣт, когѣт, па совисти, лошат, Бох ф помѣч, па лошыди.

Слова женскаго рода на *-а* многосложныя:

сковраду, голаву, Оличкѣ, розвалѣи, бораду.

Слова средняго рода на *-о* многосложныя:

озирѣ, олавѣ, па оцыству.

---

1) Слово вол, извѣстное и въ формѣ вал, представляется заимствованнымъ изъ другого говора.

2) Неясно, какъ въ род. мн.: слоф или слwф.

Прилагательныя и нарѣчія:

Односложныя муж. р. въ им. ед.:

бос, прост, плох.

Двусложныя формы:

на скору руку, скорă, плохă, косă, строгă, строжы, строгăj, простă,

нéлофкă, лофкă, ровнă, можнă, громкă, горькáă, ропкă (робко), кроткăj, ровнăj, топкăj, словнă, хоткăй, грознăj, ломкăj, горнăj, годнăj, спорнă.

Трехсложныя формы:

обă холαсты, солхнă.

Числительныя:

сто,

обă, сорăк,

двойă, тройă, вдвойă.

Мѣстоименія:

он,

хто, хтотă, то, пра то, тожă, шшо, шо (изъ чьто).

Предлоги и нарѣчія:

протиф, кромí, посли, очинí, окыла и окли, вон (въ значеніи вотъ), шшоп (изъ чьтобы).

до смирти, по лбу, по двαру, ис потпαлу.

Глаголы:

Сложные съ предлогами:

понíл, обмíр, помíр, подали, попили, полил, понíл, продăл, доплыл, добыл, пролил, продăн.

Причастія на *-ан-*:

ковαнăj, фкопαнαjă, сломăн.

Простые глаголы съ неподвижнымъ удареніемъ:

бросить, бросил, брости 2 мн. пов.; холить, холă; трогăть, тронуть; лопăть, слопăть; топăть, топнуть; хлоп, хлопăть, хлопнуть; хром (хром-хром); пробαвăть.

Примѣчаніе 1. Лишь въ немногихъ словахъ замѣтно колебаніе между *о* и ѡ. Такъ при то извѣстно тѡ: на тѡ мѣстѣ и на то мѣстѣ; при ш́ш́о является и ш́ш́ѡ: на ш́ш́ѡ, за ш́ш́ѡ; при глагольной формѣ хром-хром въ прилагательномъ хрѡм.

Примѣчаніе 2. Слова, представляющія *о* въ конечномъ или срединномъ слогѣ, въ значительномъ числѣ случаевъ заимствованы изъ книжнаго языка: икона, астрок, васток, акоп, палштоф, праходаф, у налоја. Глаголы съ *о* въ начальномъ слогѣ сохраняютъ его и въ сложеніяхъ: забро́ѝт, не́ бро́ѝл, папробаваѓ, ни папробалаѓ, набро́ѝлсѝ; ср. *о* подъ тѣмъ же условіемъ въ отглагольныхъ существительныхъ: с при́хлопываня́јам, с при́топам. При прóѓиф находимъ и напрóѓиф; при хто—не́хто́. Послѣдовательно держится *о* въ прич. страд.: закопан, намотанај, атпалированај, закалдованај. Причина произношенія пасóдут, пасóдит не ясна, въ виду плѡ́ѓиш, навѡ́лит и т. п. Неясно *о* въ владошы, ср. рядомъ владѡшкѝ. Неясно еще *о* вм. ожидаемаго ѡ въ паложу, наложу, 3 ед. паложа, 1 мн. паложым; ср. свойственное сѣверно-русскому нарѣчію удареніе поло́жить. Отмѣчу еще пародилă, пародѝлѝ.

Звукъ *о* на мѣстѣ исконнаго ъ.

Въ начальномъ слогѣ:

броѝ, доц, у доцерѝ, сон, рот, роф (ровъ), дош, мох, дроф (р. мн.), на боцку, сонă (кто много спитъ), лошкă (ложкă), тонкă, точкă, тошнă, крошкă, клок, клочјă, мошкă, тростачкă, соты, ропат, блошкă, но, ноńă (нънѣ), во́ пали (т. е. въ полѣ, въ пѣснѣ), хѡть на восă (на въ вьсе), из роту,
соньцă, мордă, долгă, полк, холм,
собрăл.

Въ срединномъ слогѣ:

падолшы, патоѝ, аглохниш, иголкѝ, с адоња, агоѝ, церковнăй, маркоф, любоф, свекроф, Маркоф'кин, платоцык, на дубоцкѝ, дево́цку, Маскоскијă, сакалок, гадок, кусок, клубок, кругом, кулаком, платком.

Звукъ *о* на мѣстѣ исконнаго общерусскаго *ы:*

мою, рој, памои; цесној нарѡт, благој, другој, какој, сырој.

Примѣчаніе. Въ ба́шој ој вмѣсто исконнаго ij по аналогіи ој, замѣнившаго ыj.

Звукъ *о* на мѣстѣ общерусскаго *ӧ* изъ исконнаго *е* или *ъ* (въ положеніи послѣ мягкой, частью позже отвердѣвшей согласной):

с́олă, н́ос, в́ослă, л́от (ледъ), л́он, т́омнă, чорнăй, шол, брови́ цорны, пашол, пл́ецо, крыл́цо, парцову, дружок, с атцом, паѣтомки́, гаршошныjă разбѡjни́цы (въ пѣснѣ).

Примѣчаніе. О рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ *о* послѣ мягкой согласной замѣнено черезъ ѡ, скажемъ ниже.

— Звукъ ô, т. е. закрытое, напряженное *о*, замѣняетъ *о* ненапряженное при условіяхъ, для меня неясныхъ. Особенно часто такое произношеніе у женщинъ. Приведу отмѣченные мною случаи:

ôбă, бôк, брôс́илă, вафс́у мôц, нôц, нôцки́ д́вѣ, вот хтô, прôдал́и, гôднă, на лôшыт́, плôхă,
дôц, дôцери́, крôф́, агôн́,
при́шôл, са с́л́ôс, л́ôжа, стажôк, нejдô, и́jôш.

Рядомъ слышно произношеніе съ *о* открытымъ. Возможно, что ô вмѣсто *о* зависитъ отъ эмфазы, эмфатическаго растяженія ударяемаго *о*; отмѣчу ô въ неударяемомъ положеніи и при томъ долгое въ зват. ед.: матшкô! (матушка).

— Звукъ ѡ можно опредѣлить какъ звукъ средній между *у* и *о*, или какъ сильно лабіализованное *о*. Въ нѣсколькихъ, впрочемъ, очень немногочисленныхъ случаяхъ вмѣсто ѡ слышится ў*о*, напр., въ словахъ кўофтă, пўоштă. Тоже правильно въ началѣ словъ: ўол́хă (хотя обыкновенно: вѡл́хă). Оба звука *о* и ѡ сильно различаются говорящими, и употребленіе одного изъ нихъ на мѣстѣ другого ведетъ къ недоразумѣнію. Повидимому, и предшествующія обоимъ звукамъ согласныя произносятся различно: онѣ лабіализованны передъ ѡ, но нелабіализованны передъ *о*.

Обращаясь къ случаямъ употребленія ѡ, видимъ прежде всего, что звукъ этотъ восходитъ только къ исконному, общерусскому ударяемому *о*—и это въ противоположность *о*, въ которомъ совпали еще звуки ӧ (изъ *е*), ъ и *ы* (передъ j); лишь въ единичныхъ случаяхъ поэтому ѡ является послѣ мягкой согласной подъ очевиднымъ вліяніемъ аналогіи (см. ниже). Далѣе оказывается, что ѡ является правильною и постоянною замѣной исконнаго ударяемаго *о* не въ начальномъ слогѣ; только въ начальномъ слогѣ, какъ мы видѣли, возможно соотвѣтствіе звука *о* исконному *о*; но въ этомъ положеніи извѣстна и другая его замѣна—ѡ. Опредѣленіе условій, при которыхъ исконное *о* измѣнилось въ ѡ въ начальномъ слогѣ, принадлежитъ сравнительной грамматикѣ славянскихъ языковъ. Здѣсь ограничусь приведеніемъ данныхъ.

Итакъ, намъ приходится различать: 1) случаи, гдѣ ѡ замѣняетъ исконное *о* въ начальныхъ слогахъ, 2) случаи появленія ѡ вмѣсто исконнаго *о* въ неначальныхъ слогахъ, 3) случаи, гдѣ ѡ въ неначальныхъ слогахъ стоитъ послѣ мягкой согласной.

Звукъ ѡ въ начальномъ слогѣ слова. Сюда относятся:

Существительныя:

Односложныя муж. рода:

стѡл, двѡр, пѡп, кѡня́, снѡп, скѡт, хвѡст, кѡт, кѡл, клѡп, нѡш (ножъ), пѡст, плѡт, пѡт (подъ въ печи), мѡля́[1]), хвѡщ́ (хвощъ),

прѡк, ф прѡк, спѡр, збѡр, слѡк (слогъ), срѡк, бѡj (на бѡj, поспо́ли бѡjу), лѡф (ловъ), здѡр (въ значеніи раздоръ и вырѣзаннаго изъ мясной туши сала).

Двусложныя женск. рода:

вѡля́ӑ, кѡжӑ, рѡжӑ, дѡля́ӑ, рѡшшӑ, Пѡля́ӑ (имя), Сѡня́ӑ (имя), нѡшӑ, Кѡстя́ӑ (имя муж. р.), Плѡня́а (уменьш. женск. р.), рѡзӑ, кѡпӑ,

ссѡрӑ,

вѡткӑ, кѡшкӑ, двѡjкя́ӑ, вѡспӑ, стрѡjкя́ӑ, лѡткӑ (лодка),

1) Кажется, это слово въ Лѣк. говорѣ муж. рода.

стрѡчка̀, нѡшкă (ножка), кѡнкă, скѡпкă (назв. мѣрки), гѡркă, рѡхля̀, прѡпкă, сѡшкă, плѡшкă, двѡрня̀, Рѡтка̀ (имя муж.), зѡрка̀, кѡфтă, пѡштă.

Двусложныя средн. рода:

лѡжă, кѡфа̀,
вѡjскă, им. мн. кѡлцă.

Множ. число м. р.: кѡлjă, кѡмjă.

Двусложныя и многосложныя муж., женск. и средн. р.:

лѡмтик, wтчим, нѡжык, хвѡстѝк, стѡлик, фтѡрнѝк, крѡлик, плѡтнѝк, плѡтикѝ,
кѡстычка̀, кѡрычка̀, рѡзнѝцă, в рѡзнѝцу, три вѡлушкѝ (уменьш. отъ вѡлиха), вѡтыцку, гѡрнѝцă, нѡжынѝки, ва гѡринѝки, лѡдыцку.

Прилагательныя и парѣчія:

нѡф (новъ), хрѡм,
мнѡгă, гѡжă,
нѡвăj, дѡбрăj, гѡлыjă вашы пузы, тапѡрикѝ вѡстрыjă, мѡкрăj, вдѡвăj, гѡрка̀jă сирата, плѡскăj, гѡлăj, вѡстрăj, рѡднăj батушкă, па гѡламу тѣлу,
рѡслаjă, пѡшлăj, рѡслăj, прѡшлăj, вѡлнăj, зѡркăj, зѡркă, кѡлкăj, рѡзнăj, бѡлшы, пѡснăj, кѡнныва̀, снѡсливăj, скѡцкăj.

Числительныя:

вѡсим, вѡсимдисит.

Мѣстоименія:

тѡт[1]), на тѡ мѣстă[2]), на шшѡ, у тѡj, за шшѡ.
на кѡм
мѡj, твѡj
са мнѡj

1) Но извѣстно также и тот; послѣднее восходитъ къ тътъ, а тѡт къ тотъ.
2) Но также: на то мѣстă.

Предлоги и нарѣчія:

вштѝи, вш̀т, прщ
кщjкак
тщлѝкѫ̀, скщлѝкѫ̀, кщлѝкѫ̀-та дѐнѫ̀к.

Глаголы:

Настоящее время:

прщсу́т, тщпу́т, гщни́т, не́ хщдѫ́, лщви́т, вщзу́т, хщду́т, фхщди́т, не́ прщсу́, мщли́цут, мщчит, нщси́т,
хщцыш, ја не́ хщцу́, мщжыш, стщни́ш, мщжѫ̀ (можетъ быть), мщжыѝ (можетъ быть), хто цавш мщжѫ̀ вза́ѝ, он пщри́т, ани́ пщлу́т, тщни́т, тщнут, глщжу,
плщти́ш, свщри́ш, навщли́ти (нава́лите), плщти́т, свщли́т.

Другія формы:

јесли́ хщш
кщнцылси́, спщмни́л, пщмни́, не́ ссщрти́сѫ̀, мщкнуѝ, прщчиѝ
рщсѝ
дщj, не́ бщс́
ја мщк.

Причастія:

смщлѫ̀т, мщлѫ̀т, кщлѫ̀т, пщрѫ̀т[1]).

Звукъ щ не въ начальномъ слогѣ послѣ твердой согласной.

Открытый конечный слогъ:

малакщ, и́писмщ, ведрщ, днщ
бе́лщ, давнщ, ѳеплщ, ви́селщ, нα навщ крыли́цо
јевщ, ат не́вщ, тавщ, кавщ, ницавщ, атцавщ, дα свавщ
шлщ, прашлщ

Закрытый конечный слогъ:

тварщк, жывщт, каравщт, сакщл, урщк, пирщк, Iегщр, пакщj, паклщн, марщс, ладщни́, пакщс, налщк (налогъ)

1) Эти формы рѣдко употребляются и представляются искусственными; обыкновенно: смалщтѫ̀j, искалщтѫ̀j сахѫ̀р, зхкалщтѫ̀j прасук, атпарщтѫ̀j.

у варшт, и́питухшф, и́а́т галшф, гадшф, вадшj, сс́естрuj, залшj,
гатшф, высшк, какшф,
пришлшс́, палшл,
из аднuj-тӑ душы, при цесншм наршди, у мс́ена л́и маладшj, пасуды никакшj, с сабшj, дат. ж. самшj,
далшj, дамшj, патшм.

Открытый серединный слогъ:

варшты, г запшjу, баршдушкӑ, нс́евшла́jу, сапшжӑк, каршвӑ, сакшли́к, в наршди, тапшри́ки, вадавшзу, ахштӑj, таргшви́пц, г даршги, папшвиц, на калшдис́, на разгавшри, паклшнӑ, с вадшjу, с табшjу, хахшчу, удвшит́, здаршвӑ, палшжӑ (сравн. ст. отъ палшгӑj), каршни́цыт́, калшти́т, гатшвӑ, при́гшжаjӑ, знакшмавӑ, дубшвыjӑ, асшби́ннаjу, ухшдут, истшпицыт́, падншсут, ф цыстшjӑ пола́ӑ, абшим, упршсим, пут́ даршжыни́ку, к вадсншму, катшрывӑ, никакшвӑ, на высшкаjу, пухшваjу, шалкшву, при́дикшви́нну, мплшвӑ, харшшаjӑ, нс́емнштӑ, жини́хшву, падршсткам́и.

Закрытый серединный слогъ:

к сапшшкӑм, папи́ршскӑ, с павшски́, па услшвjу, слабшднӑ, калакшла́чики́, пастаршнни́ми, падршсткам́и, в ладшшки́, разбшjни́к, ладшнjу, па каршвjи, к агршмнаму, ни забшти́с́, малшццык, пакшрнӑ, к сапшшкӑм, давшла́нӑ, калакшла́нӑ, цасшвнӑ, налшжни́цӑ.

Звукъ ш не въ начальномъ слогѣ послѣ мягкой или нѣкогда мягкой, теперь отвердѣвшей согласной встрѣчается только въ нѣкоторыхъ грамматическихъ образованіяхъ, куда онъ перенесенъ по аналогіи изъ положенія послѣ твердой согласной. Сюда относятся формы средняго рода (нарѣчія), какъ харашш. Далѣе твор. ед. женск. р. существительныхъ и прилагательныхъ: бала́шшj, са фс́шj радни́шj, мѣстн. и дат. ед. женск. р.: па фс́шj, па бала́шшj даршги; мѣстн. ед. ср.: ф чшм. Наконецъ, притяжательныя на ов: аццшв дом.

Въ единичныхъ случаяхъ находимъ ѡ на мѣстѣ исконнаго ѣ; относящіяся сюда слова представляются заимствованными изъ другихъ говоровъ, прежде всего изъ книжнаго языка. Таковы: псалѡм, крѡт (вмѣсто этого народное зимеройка).

Звукъ ѡ̂, т. е. закрытое, напряженное ѡ, находимъ при условіяхъ неясныхъ на мѣстѣ ѡ (ср. о̂ вм. о); возможно, что здѣсь сказывается эмфатическое произношеніе того или иного слова. Я слышалъ ѡ̂ въ слѣдующихъ словахъ, произносящихся также и съ ѡ: высакѡ̂, хѡ̂дут, нѡ̂сут, на запѡ̂j, вадинѡ̂цтви, хѡ̂дим, фспѡ̂мнiш, напарѡ̂л, и нѣк. др. Вмѣсто ѡ̂ въ единичныхъ случаяхъ также у: сакулик, па фсуj.

— О редуцированномъ звукѣ, близкомъ къ ѡ, въ слогахъ неударяемыхъ скажу ниже.

— Звукъ *у* извѣстенъ какъ подъ удареніемъ, такъ и въ неударяемыхъ слогахъ, причемъ безударное *у* произносится короче и болѣе открыто, чѣмъ *у* ударяемое, которое напряженно (закрыто). Примѣры: гус, каму, дуп, чудă, пару, рубить, рыбу, губа, хѡдут, луцкоj. Передъ мягкими согласными, а также послѣ мягкихъ звукъ *у* переходитъ въ болѣе палатальные оттѣнки; въ положеніи между двумя мягкими согласными слышится звукъ средній между *у* и ü: лубiш, луди.

Примѣчаніе. Неслоговое *у* неизвѣстно Лѣкинскому говору развѣ только въ сочетаніи съ слѣдующимъ *о*, при дифтонгическомъ произношеніи звука ѡ.

— Звукъ *ы* извѣстенъ только въ положеніи послѣ твердой согласной какъ въ ударяемомъ, такъ и въ неударяемомъ слогѣ; подъ удареніемъ *ы* произносится болѣе закрыто, напряженно; безъ ударенія открыто, ненапряженно, напр. дым, сын, дымить, сынок, сыграть. Соотвѣтствуя вообще исконному, общерусскому *ы*, этотъ звукъ кромѣ того замѣняетъ *и* послѣ твердой согласной. При этомъ возможны два случая: твердая согласная является конечною согласною предшествующаго слова, не подлежащею смягченію передъ слѣдующимъ *и*, которое и переходитъ поэтому въ *ы*: он ы сiнал, сам ы пашол[1]). Другой случай

1) Возможно и такое произношеніе: он и пашол, съ твердымъ *и*.

имѣетъ мѣсто при отвердѣніи согласной, ведущемъ за собой переходъ слѣдующаго *и* въ *ы*; отвердѣли звуки *ш, ж, ц:* служыл, шырѡк, пάдлецы, ф цыс́л́ѣ, цыстӑ (вмѣсто циста, гдѣ *ц* вмѣсто *ч*). Въ положеніи за *ш, ж* вмѣсто *ы* слышится звукъ средній между *ы* и *и*, когда за нимъ находится мягкая согласная: жыт́, шыт́, служыл́и. Звукъ *и*, замѣнившій *а, е* въ положеніи за мягкими согласными, а въ числѣ ихъ и за нѣкогда мягкими *ж, ш, ц*, перешелъ также въ *ы* въ связи съ отвердѣніемъ этихъ согласныхъ: лошыт́, кушыт́, пишыт, скажыш, должын, старшыj, дв́енаццыт́. Какъ увидимъ, редуцированный звукъ *α* нерѣдко звучитъ близко къ *ы* и даже совпадаетъ съ *ы*.

— Звукъ *ä* извѣстенъ только подъ удареніемъ, замѣняя въ положеніи между двумя мягкими согласными *а*: з́ät́, ц́ät́, с́äд́ит, гл́äн́кä.

Примѣчаніе. Звукъ ä стремится къ переходу въ ê; возможно, что сохраненіе ä обязано его ассоціаціи съ *а* въ родственныхъ образованіяхъ. Ср. ê въ ан́ếт́, м́ếчик, а также въ формахъ сравн. степени, какъ б́ел́êj, крас́н́êj и т. д., гдѣ êj, какъ увидимъ, не можетъ восходить къ ѣj, но объясняется изъ аj; ср. нѣкогда существовавшее въ Лѣкѣ произношеніе, какъ бал́н́äj (бальняй).

— Звукъ е открытый, ненапряженный встрѣчается въ двухъ положеніяхъ: во-первыхъ, подъ удареніемъ въ соотвѣтствіи съ исконными *е* и *ъ* передъ твердой согласной; преимущественно въ книжныхъ словахъ, какъ кр́ест, ср́еду, тр́езвай, бл́еск; во-вторыхъ, въ слогѣ предударномъ на мѣстѣ этимологическихъ *е, ъ, ѣ*, а также *а, о* послѣ мягкихъ согласныхъ; неударяемое *е* произносится короче ударяемаго; примѣры для *е* на мѣстѣ *е, ъ*: ́еди, н́ест́и, кр́ест́ит́, два д́ен́ка, п́ен́ок; *е* на мѣстѣ *ѣ:* б́еда, с́л́епоj, с́т́ена; *е* на мѣстѣ *о* (ö): ́еду, н́есу, ви́сел́а́; *е* на мѣстѣ *а*: п́еток, р́ебоj, в́езом с́ѣ́т́и, м́есноj.

Примѣчаніе. Какъ увидимъ, Лѣкинскому говору не чуждо произношеніе ê передъ твердой согласной, въ противоположность напр. Московскому, гдѣ ê переходитъ въ *е* передъ отвердѣвшей согласной. Обычнымъ произношеніемъ является въ Лѣкѣ: ат́êц, п́ев́êц, кан́êц, п́êц, но рядомъ извѣстно и ат́ец, п́ев́ец, кан́ец, п́ец.

Звукъ *е* по общему правилу встрѣчается только послѣ мягкихъ согласныхъ (частью отвердѣвшихъ). Но въ указательномъ корнѣ *е* на-

ходимъ звукъ *е* въ началѣ слова: етӑт, етӑ, ентӑт; отношеніе этого *е* къ ê, нерѣдкому въ тѣхъ же указательныхъ мѣстоименіяхъ, для меня неясно; не имѣю основанія утверждать, чтобы произношеніе е, ê въ этихъ словахъ было чуждо исконному говору, гдѣ слышится до сихъ поръ и je (jетӑт); но несомнѣнно, что je—болѣе обычное въ старшемъ поколѣніи произношеніе, чѣмъ е, ê.

Послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ находимъ звукъ е: напр. въ словахъ, женскај, жена, жених, цера, церица; отседӑ перешло въ атцедӑ, ацедӑ съ твердымъ *ц*, а это вызвало и аттедӑ. Конечная согласная слова (предлога) остается твердой передъ слѣдующимъ *е* указательнаго мѣстоименія: атетɑвӑ, кехтɑму.

Объ отвердѣніи согласныхъ передъ *е*, замѣчаемомъ въ индивидуальномъ произношеніи, скажу ниже.

Фонетически исконное *е* еще въ старшую эпоху перешло черезъ посредство ӧ въ *о* передъ твердой согласной; вотъ почему *е* передъ твердой согласной встрѣчается въ современномъ говорѣ рѣдко, преимущественно, какъ мы видѣли, въ словахъ заимствованныхъ, книжныхъ. Нашему неводъ здѣсь соотвѣтствуетъ новӑт. Передъ отвердѣвшими *ш*, *ж* находимъ *о* на мѣстѣ *е* въ результатѣ звукового процесса; ср. здѣсь в можу, мош вас, мош ними, ношут (чешутъ); отвердѣніе *ж* повело къ отвердѣнію предшествующаго *р*, а затѣмъ къ переходу *е* передъ *р* въ *о*: доржут, падоржынӑj.

— Звукъ ê, т. е. закрытое напряженное е, извѣстенъ только подъ удареніемъ. По общему правилу ê, соотвѣтствуя при этомъ исконнымъ *е* и *ъ*, является только передъ мягкой согласной: чêтвирт, трêт, замêрзли, дêнги, дêн, вêс, сêмдисит, зêмскɑму, па диревêнски. Впрочемъ, оно сохраняется и передъ отвердѣвшимъ *ц* (изъ исконныхъ *ц* и *ч*): мêц склɑденêц, дравêц, дварêц, атêц, плêцкӑ, нɑ крылêцкӑ, нɑ сердêцки, мɑладêцкɑjу, турêцкɑjӑ, нêц, ат нêцы и т. д. Рядомъ извѣстно также произношеніе съ *е* вмѣсто ê (см. выше).

Кромѣ того ê является въ индивидуальномъ произношеніи (спорадически) еще въ положеніи передъ твердой согласной, во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ книжныхъ словахъ, какъ трêзвӑj, лубêзнӑj, анифêст, алêнӑ; во-вторыхъ, въ указательныхъ мѣстоименіяхъ: êту, с êстӑj с

таскѝ, ѐтăт рем́ѐй, ѐтă нев́ѣстă, ѐтăт мαлад́ѐц, ѐнтăт; въ-третьихъ, въ отрицательной частицѣ нѐ: нѐ был́и, нѐ былă, нѐ дαл́и; возможно, что нѐ вмѣсто нѐ подъ вліяніемъ случаевъ какъ нѐ пил́и.

Объ отвердѣніи согласныхъ передъ ѐ, замѣчаемомъ въ индивидуальномъ произношеніи, скажу ниже.

— Звукъ ѣ—это звукъ средній между *и* и *е*; повидимому, первая часть этого звука тождественна съ *и*, а вторая съ *е*; акустическое впечатлѣніе отъ *ѣ* то же, что отъ *е*; конечно, это указываетъ на физіологическую близость второй части звука *ѣ* къ звуку *е*. Мнѣ не удавалось точно воспроизвести этотъ Лѣкинскій звукъ, но рѣзкое отличіе его отъ *е* выясняется изъ того, что, напримѣръ, И. С. Гришкинъ никогда не смѣшаетъ звуковъ *е* и *ѣ*. Въ началѣ слога *ѣ* звучитъ какъ ѣе или даже *ие*: иест, иеду, с́иест (съѣздъ). Иногда послѣ согласныхъ я слышалъ на мѣстѣ *ѣ* звукъ *и* или даже дифтонгъ *ие*: д́ит́и, атр́иш, пαр́ен́ок падб́иек.

Звукъ *ѣ* встрѣчается только подъ удареніемъ; о близкомъ къ нему звукѣ въ предударномъ слогѣ скажу ниже.

Мнѣ казалось, что *ѣ* произносится закрыто, напряженно передъ мягкой согласной, открыто, ненапряженно какъ передъ твердой согласной, такъ и въ концѣ слова. Но я не увѣренъ въ томъ, что не руководился при этомъ свойственными моему произношенію акустическими представленіями. И. С. Гришкину подобное различеніе чуждо. Иногда мнѣ приходилось отмѣчать ѐ и передъ твердой согласной: с́ѐл, нев́ѐжă, з́дѐшн́ијă, н́ѐту, пαс́ед́ѐльјă, зацѐм; также ѐду, нѐ ѐмшы.

Приведу примѣры для *ѣ*, не различая *ѣ* и ѐ. Сначала—случаи, гдѣ *ѣ*, оправдываясь этимологически, не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній:

б́ѣс, б́ѣс́исс́и, ја б́ѣс́ус́ (удареніе на ѣ), б́ѣгат́, он б́ѣгыт, б́ѣднăј, б́ед́н́ыт, б́ѣлăј, б́ѣл́ин́кăј, паб́ѣдă, аб́ѣт, пав́ѣдắт́, в́ѣс́т́, пзв́ѣс́тјă, в́ѣк, в́ѣцнăј, в́ѣрă, в́ѣрнăј, в́ѣс, абв́ѣс́ит́, в́ѣт́ф́, в́ѣтыцкă, на в́ѣтки, в́ѣт́ир, атв́ѣт, в атв́ѣт́и, сав́ѣт, пαсав́ѣтывắт́, ја н́и сав́ѣтыву, зв́ѣзды, ноц зв́ѣзнαјă, зв́ѣр́, нев́ѣстă, с́в́ѣтлă, рас́в́ѣт, с́в́ѣжыј, ц́в́ѣтнă плат́јă, цылав́ѣк, д́ѣфс́т́винăј л́ѣс, адд́ѣлылс́и, адѣццыт́, д́ѣт, д́ѣ-

душкѣ, надѣицыт́, дѣцтвѣ, ѝидѣлѣ, зѣф, па лѣвѧју сторѧну, лѣзит, лѣсѝицѣ, он лѣчит, лѣѝ, лѣнѣст́, он лѣпит, лѣс, блѣднѣј, желѣзѣ, акалѣцыл, калѣнкѣ, палѣѝицѣ дроф, ф клѣткѝ, лѣтѣм, хлѣп, клѣф, ф клевѣ, слѣт, па слѣду, асслѣш, асслѣпнут́, плѣн, плѣсиѝ, плѣш, мѣт́, мѣднѣј, мѣл, мѣнѣ, мѣрит́, мѣркѣ, мѣсивѣ, без мѣстѣ, па мѣсицу, мѣтит́, без мѣху, смѣх, не смѣјси, примѣр, нѣмиц, нѣт, нѣжнѣј, нѣгѣ, гнѣзды, мнѡгѣ гнѣст, тимнагнѣдѣј, гнѣф, прагнѣвалси, сиѝѣк, мнѡгѣ сиѝѣгу, ѝѣгѧјѣ лошыт́, ѝѣна, бес ѝѣсин, рот тѣсин, сиѝѣлѣј, ни пасиѝѣт́, усиѝѣх, рѣткѣј, больна рѣдѣк, рѣзѣт́, зарѣш, рѣзвѣј, рѣцкѣ, на рѣцкѝ, апрѣл́, рѣпа, рѣц, стрѣца, арѣх, арѣшѝик, грѣх, крѣпкѣј, свирѣпѣј, стрѣлы, хрѣн, Алексѣј, сѣст́, бесѣдѣ, пабесѣдывѣт́, ја стал сѣт, сѣрѣј, сасѣди, сѣѝи, сѣт́, сѣит́, пасѣилѝ, сѣмѣ, тѣлѣ, тѣстѣ, тѣснѣј, ф тиснатѣ, стѣны, тѣшыт, затѣит́, цѣлѣј (но ф цылѝкѣ), цѣны (им. мн.), цѣл́, цѣп, цѣѝ, цѣѝи.

Примѣры для *ѣ*, оправдываемаго этимологіей, но не сохранившагося въ современномъ намъ правописаніи:

вѣдры (им. мн., наше вёдра), сѣдлы (им. мн., наше сёдла), гнѣзды (им. мн., наше гнёзда), мѣлкѣј, мѣлиѝкѣј, трѣск, шшѣпкѣ, шшѣѝкѝ (древнерусск. сцѣпъка), шѣст (вѣроятно, изъ сѣстъ, ср. нашест при насѣст), нацлѣк (древнерусск. ночлѣгъ), ѝѣцывѣ.

дѣмѧн (древнерусск. дѣмонъ), Іефрѣм (древнерусск. Ефрѣмъ), архирѣј, Андрѣј, Андрѣјушка, Палагѣјѣ, Филѣлѣј, Прѧскавѣја, Саффѣјѣ, ѝндѣјскѧвѣ. Чередованіе ѣј и ij вызывалось въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ словъ фонетическими причинами и передавалось затѣмъ по аналогіи въ другіе случаи. Ср. также Кѣиф и Кѣјѣф вмѣсто Киф (изъ кѣкѵвъ).

Въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ изъ другихъ говоровъ словахъ находимъ *ѣ* вм. *е*; это указываетъ на то, что по той или иной причинѣ сочетаніе мягкая согласная + *е* представлялось ближе къ сочетанію

съ *ѣ*, чѣмъ къ сочетанію съ *е;* быть можетъ, во время такихъ заимствованій согласная передъ *е* звучала въ заимствовавшемъ говорѣ не мягко, а полумягко. Сюда относятся:

церковнославянскія слова, заимствованныя изъ книжнаго языка: вр́ѣт, вр́ѣдна́, вѣ́ш (вещь), ѣ́ш́ш́и (ср. однако ср́еду, пр́ежы, данр́еш, пр́еж́ди, вр́ем́а́, тр́езва́j и др.), греческія и западноевропейскія слова, какъ л́ѣнта́, кар́ѣта́, маѣ́ѣта́, тар́ѣлка́, л́ѣнтацка́, табур́ѣтка́; равнымъ образомъ граф́ѣн вмѣсто графинъ.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что этимологическое *ѣ* подъ удареніемъ послѣдовательно передается въ описываемомъ говорѣ черезъ *ѣ*. Исключенія объясняются частью тѣмъ, что то или иное слово съ *е* вмѣсто *ѣ* вообще чуждо нашему говору: сюда относятся напр. блеск (ср. польск. blask), с́ев́ир (въ народѣ извѣстно с́ивиркъ въ значеніи холодно), л́екар́ (но глаголъ л́ечи́т свойственъ Лѣкинскому говору, ср. 3 ед. л́ѣчит), кл́ej (ср. церковнослав. клѣи), также названіе города Т́вер́ произносится съ *е* (ср. древнерусск. Тьхвѣрь). Частью исключенія—только кажущіяся; напр. правильно съ *е* произносятся р́ет́ка́, хм́ел́, кап́ejка́, цв́ес́т (ср. цв́ол), з́м́ej (им. ед.), з́м́ej (р. мн. отъ з́м́еja).

Особо должно оговорить *е* въ формахъ сравн. степени на -ejа́ и -ej вмѣсто ожидаемыхъ -ѣjа́, -ѣj; это *е*, какъ было указано выше, восходитъ всего вѣроятнѣе къ ä изъ *а* между мягкими согласными; ср. древнерусскія и совр. діалектическія скоряе, больняе, веселяе и т. д. Такъ находимъ: пасыр́ej, скар́ej, скар́еjа́, патр́ез́вejа́, бал́н́ejа́, с́ил́н́ejа́, ja б́ед́н́ejа́ (но он б́ед́н́ѣит), он в́ер́н́ejа́, шыпчejа́, ja jевш б́ел́ejа́ (но он б́ел́ѣит).

Звукъ *ѣ* въ неударяемомъ положеніи совсѣмъ не извѣстенъ, ибо этимологическое *ѣ* замѣняется въ предударномъ слогѣ черезъ *е* (ад́ева́т́, цв́еты, с́едој, д́ел́ошка́, он б́ежыт, в́енок, ф с́н́егу, п́ешком, ѓн́едој, см́ejаццыт́, р́ека, ф с́ен́аф, б́ис с́ен́ej, в л́есу, з́в́ер́јо, и т. п.), а въ остальныхъ неударяемыхъ слогахъ черезъ *и* (м́иш́ш́ан́ин, м́илавыjа́ горы, с́им́ена, в гора́ди). Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ редуцированный звукъ, замѣнившій *е*, близокъ къ звуку *ѣ*, представляясь звукомъ среднимъ между *и* и *е*. Скажу объ этомъ ниже; здѣсь же огра-

ничусь замѣчаніемъ, что *е* въ предударномъ слогѣ, когда подъ ударе-ніемъ *ѣ*, можетъ переходить именно въ такой звукъ, откуда дальше *и*: тѣ́лѣ́гу, ф сѣ́бѣ́, на сѣ́бѣ́, ср. рядомъ ни́дѣ́лѣ́, па́ни́дѣ́лѣ́ник.

Въ единичныхъ случаяхъ находимъ переходъ *ѣ* ударяемаго въ *и*, а именно въ положеніи передъ слогомъ съ неударяемымъ *и*: дѣ́ви́р (но извѣстно въ произношеніи нѣкоторыхъ и дѣ́ви́р), ви́ник, из ви́никаф, а ви́никаф, сѣ́ви́ркă.

—Звукъ *и* въ ударяемомъ положеніи болѣе закрытъ и дольше, чѣмъ безъ ударенія, гдѣ онъ способенъ и редуцироваться (о чемъ см. ниже). Примѣры для звука *и*: пи́ли́, пи́смѡ, три и т. д. Звукъ *и* соотвѣтствуетъ не только этимологическому *и*, но подъ ударе-ніемъ въ единичныхъ случаяхъ также и другимъ звукамъ, напр. звуку *ѣ* (см. выше), а не подъ ударе-ніемъ съ слогахъ непредударныхъ звукамъ *ъ, е, а, о* (послѣ мягкихъ согласныхъ): пи́туха, ви́чера, пли́савајă, чи́тацок, чирната, учи́ти́л, па мѣ́сицу, в доми́ и т. д. Звукъ *и* встрѣчается какъ въ началѣ слога, такъ и послѣ согласныхъ, всегда мягкихъ, ибо послѣ отвердѣвшихъ или сохранившихъ свою твердость согласныхъ звукъ *и*, какъ мы видѣли, переходитъ въ *ы*, а при извѣстныхъ условіяхъ въ звукъ средній между *ы* и *и*; произношеніе он и сам съ твердымъ *н* рѣже, чѣмъ произношеніе он ы сам. Звукъ *и* извѣстенъ также въ неслоговомъ употребленіи, всякій разъ однако въ тѣсномъ сочетаніи съ предшествующей или послѣдующей гласной (ја, је и т. д., ај, ej и т. д.).

Гласныя неполнаго образованія.

Различаемъ двѣ категоріи такихъ редуцированныхъ гласныхъ, извѣстныхъ только въ неударяемомъ положеніи: во-первыхъ, менѣе редуцированныя, во-вторыхъ, болѣе редуцированныя. Эти два вида извѣстны именно въ соотвѣтствіи съ исконными звуками *о* и *а*.

—Первый видъ представляется широкимъ, открытымъ звукомъ неполнаго образованія, близкимъ къ звуку а; обозначимъ его буквой ă. Онъ встрѣчается почти исключительно въ конечныхъ слогахъ, открытыхъ или закрытыхъ, въ положеніи какъ послѣ твердой, такъ и послѣ мягкой согласной и соотвѣтствуетъ этимологически исконнымъ звукамъ *о* и *а*. Примѣры:

словӑ, рыбӑ, шубӑ, тоджӑ, тагжӑ
в морӑ, вдвойӑ, дѡбрыйӑ лудѝ, какийӑ страсти
радӑс, волӑс, горӑт, дѣвӑк, с ѝвӑм, свокӑр, катѡрӑй, харѡшӑй
манинкӑй, горӑм, братйӑф, третӑй, с свайацынӑй, денӑк, здадӑй.

—Второй видъ редуцированнаго звука—это звукъ узкій, закрытый, близкій къ *ы*; обозначимъ его черезъ *ɑ*. Онъ является только послѣ твердыхъ согласныхъ какъ передъ удареніемъ (кромѣ однако предударнаго слога), такъ и послѣ ударенія (кромѣ однако конечнаго слога). Онъ соотвѣтствуетъ вообще этимологическимъ *а* и *о*, но иногда замѣняетъ и неударяемое *у*. Примѣры:

бɑрада, кɑранит, пɑд гарой, сɑлавей, нɑчела, тɑргаваццыт,
дɑлгарукии, лɑшедей, рɑсписалси
сɑндуки, с сɑндуками
в горɑди, голɑву, по двɑру, пакɑсти, здѣлɑнӑ
за прɑвɑйу руку, пробвɑйу, в далнɑйу пут.

—Редуцированное *е*, которое обозначимъ черезъ *ɛ*, представляется звукомъ среднимъ между *и* и *е*, притомъ краткимъ и неопредѣленнымъ. Онъ замѣняетъ звукъ *е* въ предударномъ слогѣ, когда подъ удареніемъ находится *ѣ*: тɛлѣгӑ, ф сɛбѣ, тɛбѣ (ср. выше). Далѣе мы находимъ его въ слабоударенныхъ словахъ на мѣстѣ *е* въ предударномъ слогѣ: сɑ фсɛвѡ горɑдӑ.

—Редуцированное *о*, которое обозначимъ греческою буквой *ο*, представляется звукомъ среднимъ между *о* и *у*, притомъ краткимъ и неопредѣленнымъ. Условія его появленія неясны; я могу указать его лишь въ единичныхъ случаяхъ, напр. в Іалмоти (названіе мѣстности). Такое же ο находимъ въ хоть: ступай хоть, рядомъ также хуть; далѣе въ скрос: скрос акна.

Гласныя неслоговыя.

Какъ мы видѣли, въ неслоговомъ употребленіи извѣстна только гласная *и*. Въ сочетаніи съ предшествующей гласной она образуетъ дифтонгъ, напр. край, мойти, шейкӑ, пасѣй, падуйти, бѡйси, старшый,

с угрωзăj. Въ сочетаніяхъ съ послѣдующею гласной вмѣсто неслогового *и* слышится, быть можетъ, jотъ: jих, jамă, пojис (поѣздъ и поясъ), сéмjу, лjу, кωлjă, jéсть. Какъ указано выше, отъ сочетанія je, напр. въ jéсть, надо отличать сочетаніе *ие* (вѣроятно, йе) на мѣстѣ этимологическаго *ъ*: йест, йесть, йехáть, также сйест (съѣздъ и съѣстъ), сйел (й это краткое и).

Зависимость гласныхъ отъ ударенія.

Чередованіе гласныхъ, вызванное положеніемъ ихъ въ ударяемыхъ или неударяемыхъ слогахъ, можетъ быть выяснено только исторически. Исходя изъ звукового состава общерусскаго праязыка, видимъ, что только гласныя *у, ы, и* сохранились въ Лѣкинскомъ говорѣ какъ въ ударяемомъ, такъ и неударяемомъ положеніи. Впрочемъ, неударяемыя *у, ы, и*, подвергаясь редукціи въ количественномъ отношеніи, могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣняться и качественно, а также исчезать изъ произношенія.

Звукъ *у*, какъ мы видѣли, можетъ переходить въ *ă*. Такъ въ окончаніи вин. пад. прилагательныхъ находимъ обычно не подъ удареніемъ—ăjў вмѣсто—уjу: йнпамѣрнăjу, самăjу харωшăjу, йнаписаннăjу, пакрытăjу, разлубезнăjу, думу крѣпкăjу, землу татарскăjу, па лѣвăjу руку. Тоже въ 1 л. ед. наст.: благадарсвăjу, пробвăjу. Вмѣсто—уj находимъ—ăj во 2 л. пов. здрасвăj, папробвăj. Въ пѣснѣ: хрустáлнăим вмѣсто хрустáльным. Вмѣсто высунулă находимъ высынулă; вм. крадучись, крадучи—крадыце. Вмѣсто омул—омăл (назв. рыбы). Вмѣсто сундуки, сундука—сăндуки, сăндука, с сăндукáми. Выпаденіе *у* въ матшкô вм. матушка (зв. ед.). Отмѣчу отпаденіе конечнаго *у* послѣ j: в другуj дéревну. Звукъ *ý* (на мѣстѣ у между двумя мягкими согласными), редуцируясь, переходитъ въ *и*: гарáшшиjу баńу.

Редукцію звука *ы* находимъ весьма рѣдко; ср. вăнлывали вм. выплывали. Въ за ужнăм, посли ужнă видимъ выпаденіе *ы*, восходящаго къ *и*, за отвердѣвшимъ *ж*.

Редукція звука *и* ведетъ къ его выпаденію, напр. улцă вмѣсто улица. О выпаденіи *и*, замѣнившаго *е*, скажу ниже.

Звуки *а, о, е, ъ* сохранились въ Лѣкинскомъ говорѣ только подъ удареніемъ, причемъ вмѣсто одного *о* въ зависимости отъ акцентныхъ условій явились два *о*: *о* простое и *о* сильно лабіализованное (ω); звукъ *а* подъ удареніемъ между двумя мягкими согласными измѣнился въ ӓ (пӓ́т, вз́ӓ́ли); звукъ *о* при тѣхъ же условіяхъ сталъ вѣроятно звучать какъ ȯ, т. е. средній звукъ между *о* и ӧ (ш́ш́ȯ́л, т. е. чтоль, т́ȯ́тӓ); звукъ *е* при тѣхъ же условіяхъ звучитъ какъ ê (д́ếн, атн́ếс́т).

Въ положеніи не подъ удареніемъ эти звуки редуцировались, совпадая при этомъ въ двухъ общихъ оттѣнкахъ редуцированной гласной, различавшихся въ зависимости отъ положенія за твердой или мягкой согласной (за твердой согласной являлись звуки: *а, о*, за мягкой: *а, о, е, ъ*). Редуцированную гласную послѣ твердыхъ согласныхъ обозначимъ буквой *ɑ*, а послѣ мягкихъ буквой *ɛ*. Редуцированныя гласныя не сохранились въ первоначальномъ своемъ видѣ въ слогѣ предударномъ: редуцированная гласная послѣ твердой согласной замѣнилась здѣсь звукомъ *а*; редуцированная гласная послѣ мягкой согласной звукомъ *е*. Переходъ *ɑ, ɛ* въ эти звуки *а, е* произошелъ на фонетической почвѣ, вызываясь, какъ можно думать, сокращеніемъ гласной въ слѣдующемъ, ударяемомъ слогѣ. Разсмотрю звуковой составъ предударнаго слога въ Лѣкинскомъ говорѣ, различая три положенія: послѣ твердой согласной, послѣ мягкой и послѣ нѣкогда мягкой, теперь отвердѣвшей согласной.

Въ положеніи за твердой согласной на мѣстѣ исконныхъ *а* и *о* находимъ *а*:

— вада, сава, сама, праси, хажу, трав́ѣ, хвала, гадат́.

Примѣчаніе. Только въ сална́ (рыбӑ очи́н сална́) вм. салана видимъ выпаденіе редуцированной гласной въ предударномъ слогѣ. Что до маз́ли им. мн. отъ мазо́л, то здѣсь *о* выпало нефонетически, а подъ вліяніемъ аналогіи.

Въ положеніи за мягкой согласной на мѣстѣ исконныхъ *а, о, е, ъ* находимъ *е*:

— јеśон, вз́ела, п́етак, прɑ́тенул, пуśт́еки, ат вɑ́денωвӑ, јевиśӑ, јевлɑ́лиś, гл́ежу, запр́егла, śвезɑ́ли, пл́есɑ́т, јемш́ик, нɑн́елśи, р́ебој, śв́етој, јеиц.

— в́еду, с́естра, н́есла, ат н́евш, в́есноj, нα п́екла
— п́ен́ок, в́ед́о, л́еп́ошăк, т́ер́ом
— б́еда, д́в́енаццыґ, кр́епыш, в гр́ехаф, т́еснш, т́ел́ник (чирей), пα т́ешаґ, з́евштα, л́еснаjă стαрана, пαбл́ед́н́ѣл.

Примѣчаніе. Въ jиjо находимъ *и*, не *е*, можетъ быть, вслѣдствіе слабоударяемости этого слова. Объ *и* въ н́ид́ѣ́л́ă, т́и-л́ѣгă см. ниже.

Въ положеніи за нѣкогда мягкой, теперь отвердѣвшей согласной на мѣстѣ исконныхъ *а*, *о*, *е* находимъ или *е*, или *а*. Думаю, что *е* въ такомъ положеніи болѣе первоначально, а *а* явилось подъ вліяніемъ той или иной звуковой аналогіи:

— е: цер́а, цер́у, цер́ицă, цевш, жена, женшj, жен́их, н́и женатăj, лαшед́ej, прицес́тицыґ.
— а: цавш, цаму, цасаґ, нαцала, нαцаваґ, цатыр́ă бл́удă, пα цасам, пαжалаф, т́ижалш, ужахал́иś (пαцалуjу, цалуит).

Примѣчаніе: цавш подъ вліяніемъ тавш, нαцаваґ—тαргаваґ, бαлаваґ и т. п., цасаґ при цошут ср. гладаґ при глшжут, цасы подъ вліяніемъ цас, и т. п.

Въ другихъ неударяемыхъ слогахъ редуцированныя гласныя α и ε по общему правилу сохранялись, не переходили въ соотвѣтствующія гласныя полнаго образованія *а* и *е*. Только въ началѣ слова α перешло въ *а*. Звукъ ε съ теченіемъ времени перешелъ въ *и*, которое послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ замѣнялось черезъ *ы*. При извѣстныхъ условіяхъ происходило выпаденіе редуцированныхъ гласныхъ α и ε. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣлъ мѣсто переходъ α въ звукъ *ы*, а подъ вліяніемъ слѣдующей губной согласной, также въ *у*. Наконецъ, въ конечныхъ слогахъ открытыхъ и закрытыхъ происходилъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ грамматической аналогіи, переходъ α въ болѣе открытый, но также редуцированный звукъ ă, который замѣнялъ и ε въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ уже подъ явнымъ вліяніемъ грамматической аналогіи. Такимъ образомъ разсмотримъ отдѣльно: слоги передъ удареніемъ, слоги заударные, слоги заударные конечные; при этомъ раз-

личаемъ положеніе въ началѣ слова, послѣ твердой согласной и послѣ мягкой согласной.

Слоги передъ удареніемъ.

Положеніе въ началѣ слова. Здѣсь находимъ *а*, замѣнившее ɑ на мѣстѣ исконныхъ *а* и *о*:

аднавш, атпуст҃ит҃, аддахни, астарωжнă.

Въ положеніи послѣ твердой согласной находимъ ɑ, иногда замѣняющееся черезъ *ы* и *у*, а при извѣстныхъ условіяхъ выпадающее:

— а: вараватаjă, пададаjă, запевајут, красата, на базари, малада, па двери, пагледѣт҃, панафиткă, на дубу, падыскал, павела, залилса, скалыхалăс, дарагој, багатыри, патихонку, кристаабразнă.

— *ы* вмѣсто а встрѣчается въ единичныхъ случаяхъ при условіяхъ, ближайшимъ образомъ не опредѣлимыхъ: блыгдару, паблыгдарил, сылавеj, сылавја, блыгдарат. Отмѣтимъ па мыныстырам.

— *у* вмѣсто ɑ въ словѣ супаги, очевидно, подъ вліяніемъ звука *п*.

— выпаденіе ɑ нерѣдко передъ звуками *р*, *л* (передъ слогами *ра*, *ла*): платенцă, па главѣ, с платенцами, срафан, праса҃тă, прасук, пакранит҃. Также послѣ звуковъ *р*, *л*: залтарωгавă, ф калкала. Еще въ гварит, пагварит вмѣсто гаварит, пагаварит҃; впрочемъ, гварит, гвăрит могло потерять гласную въ начальномъ слогѣ въ энклитическомъ своемъ употребленіи; ср. дальнѣйшее сокращеніе въ гыт. Въ пратенуjу рубаху вмѣсто партенуjу видимъ перестановку ɑ въ зависимости отъ положенія передъ плавной.

Въ положеніи послѣ мягкой согласной находимъ *и*, непосредственно изъ *е*, а при извѣстныхъ условіяхъ—выпаденіе ε:

— мисаѣт, jиравωjă пола, тижалω, питацок

— на бирегу, вицеринку, на пирекросткăф, сиреди пути, диревѣн, ниженатăj, рибетишки, виселицыт҃, виликан, пирекстис, либедеj, биздругωвă, времена, мидвежонкă,

— билакудри́му, дивири́ок, и́питухωф, и́питухи, сидаки́

— выпаденіе ε имѣетъ мѣсто послѣ плавной *р*: и́рнαцавалъ, и́рвазиѓ, и́ррубил.

Въ положеніи послѣ отвердѣвшей согласной находимъ *ы*:

за жыни́хом, жыни́ху, цылавать, пαцылавал, цылавъ́къ, цылавъ́ка, цыли́ком, ф цыли́къ́, цырни́на, шылкава́, цырпаком, шылкава́ јевω барωдушкъ.

Слоги за удареніемъ неконечные. Здѣсь послѣ твердой согласной по общему правилу находимъ α, нерѣдко замѣняющееся звукомъ *ы*, а при извѣстныхъ условіяхъ выпадающее:

— в горади́, дѣлали́, знахаря́м, па стараму, выраслъ́, пакасти́, голαву, ласкавъ́ј, на пали́, плакали́, па глупасти́.

— *ы* находимъ преимущественно передъ двумя согласными: надыбнъ́, Аки́мывнъ́, Раманывну, пра́лыцку, с јармынки́, травынки́, муравынки́, ат Касимыски́х, галынки́, адлъ́лылси́, насватыли́, пытцабли́у. Кромѣ того находимъ *ы* вм. α, когда въ слѣдующемъ слогѣ (конечномъ открытомъ) α перешло въ ъ́: атетывъ́, кωнныв́ъ́, Мурымъ́ (но Мурами́), старывъ́ (но стараму), у дωбрывъ́, праклатывъ́, сказынъ́, здѣлынъ́, думылъ́, первывъ́, дѣмынъ́, из горыдъ́ (но в горади́), Михајлывъ́, зеркылъ́, надыбнъ́, Фодрывнъ́, Аки́мывнъ́, шуро́ныцкъ́ (но шуро́нαцык), шолкывъ́ј, вин. молыццъ́, свето́лыцкъ́. Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ я слышалъ вмѣсто *ы* также и α.

— выпаденіе звука α: фсо́тки, пробвају, папробвалъ́, Фодрывнъ́.

Послѣ мягкой согласной на мѣстѣ ε находимъ правильно *и*; въ рѣдкихъ случаяхъ видимъ выпаденіе ε:

— ви́тизи, клани́лис́, тыс́ицъ́, баилъ́, на поис́и, пас́ъ́ли́, хазаивам, ј́ушши́въ́,

— ози́ру, не́ запирты, павыби́ру, цетви́ръ́ сутак

— мати́рју, до с́мирти́, ради́ти́ли, выти́кли́, выши́кли́, ва те-

рими, судја правиднаја, па беришку, вылитил, вывидиннују, на лицынки

— за појиздам, вылизиш, выбигла, видила

Выпаденіе ε: зуп вылтил.

Послѣ исконно мягкой, позже отвердѣвшей согласной, находимъ по общему правилу на мѣстѣ ε звукъ ъі; но подъ вліяніемъ аналогіи ъі замѣняется черезъ α:

— лошыди, двенаццыти, душыцкă, рѣцынки, акошыцкам, па оцыству. Что до ъі въ старшывă, вецырам, долгă вецырă (ср. к вецару), нѣцывă, пѣшыва, дошывă, нашывă, то оно стоитъ, можетъ быть, въ связи съ наличностью ă вм. α въ слѣдующемъ слогѣ.

— харшшаjă дѣлă, старшаjă (ср. нwваjă, дwбраjă, и т. д.).

Слоги неударяемые конечные. Здѣсь различаемъ положеніе въ закрытомъ и въ открытомъ слогѣ:

Въ закрытомъ слогѣ α по общему правилу переходитъ въ ă. Думаю, что переходъ этотъ начался въ такихъ словахъ, гдѣ ассоціація съ родственными формами въ склоненіи или спряженіи требовала болѣе полновѣсной гласной: утрам подъ вліяніемъ сѐлом переходило въ утрăм, дwбраj подъ вліяніемъ прастоj въ дwбрăj, сѐлам дат. мн. подъ вліяніемъ лѐтам—въ сѐлăм. Кромѣ того могли дѣйствовать и другія причины: горат подъ вліяніемъ гарада переходило въ горăт, холаст подъ вліяніемъ халастоj въ холăст. Такой переходъ обобщился и вызвалъ общій законъ о переходѣ звука α въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ ă:

дѣмăн, горăт, етăт, волăс, полнăц, холăст, сѐвокăр, затылăк, грохăт, полăн, угăл, наказăн, падjѣхăл, са сватăм, разăм, ростăм, утрăм, ветăм, угрwзăj, сыконăj, дwбрăj, царскăj, зелѐнăj, дѣвăк, варwтăм, Иванă-т и т. д.

Звукъ ă по аналогіи переносится и послѣ мягкой согласной на мѣсто и, а также послѣ нѣкогда мягкой, позже отвердѣвшей согласной, на мѣсто ъі: за нашăj дерѐвнăj, радитилăм, листăф, братjăф,

с хмелъ́м, са зме́јъм, з горъ́м, с свајацыно́ј, трећъ́ј, з да́да́ј, ф пе́ре́дно́ј угъ́л, маиноко́ј, радитилско́ј, трећъ́ј, харшъ́ј, тв. с Машъ́ј, невшлъ́ју. Также на мѣстѣ бѣглой гласной: маношино́к, де́но́к, ле́пошъ́к, вышъ́л; далѣе въ случаяхъ, какъ зме́јъ́т. Подъ вліяніемъ этого и К'ѣјъ́ф при К'ѣјиф. Представляется возможнымъ, что такое ъ́ передъ мягкой согласной звучитъ какъ краткое ä; дѣйствительно, я слышалъ произношеніе лошеѣ (съ ä?) вмѣсто ожидаемаго лошыѣ, другоре́ѣ (съ ä?) вмѣсто другори́ѣ.

Принимая, что ъ́ въ этихъ и подобныхъ случаяхъ явилось въ результатѣ позднѣйшаго процесса, думаю, что фонетически надо ждать здѣсь *и*, а послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ *ы*. Ср.

— де́сиѣ, ви́тис́, заиц, пацуил
— кам́ин́, пар́ин́, спас́ит́ил́, пе́рс́тин́, студи́н́, на с́мир́т, аставајт́ис́, выш́ij, тојис́ѣ, оцыр́ит́, пал́иц, пшлдин́, брат́иц,
— Пав́ил, мал́е́бин, выв́ил, на б́ир́ик, об́мир, пом́ир, ум́ир,
— выл́ис, појист, выл́ит́ил, в́ид́ит́,
— нужын, должын, старшыј, кушыѣ, дваццыѣ.

Особенно держится *и* (*ы*) въ спряженіи, ср. паѣ́диш, не́ буди́ш, буди́т, л́ѣ́зит, стан́ит, падым́иш, знаиш, скажыш, п́ишыт и т. д.

Въ открытомъ конечномъ слогѣ редуцированная гласная послѣ твердой согласной звучитъ обычно какъ ъ́; лишь рѣдко находимъ *α*.

— нwвывъ́, прастwвъ́, словъ́, п́ивъ́, из горαдъ́, два волαсъ́, так-тъ́ н́елофкъ́
— Боγу-тα.

Въ положеніи послѣ j, когда въ предпослѣднемъ слогѣ звукъ *ы* или *и*, мы находимъ на мѣстѣ ε звукъ ъ́; переходъ этотъ можно признать результатомъ диссимиляціоннаго процесса:

русыјъ́, дв́ѣ пустыја бутылќи, дwбрыјъ́ л́уди, ноцы т́омныјъ́, каќија н́ибут́, разныјъ́, друѓијъ́, тр́ет́ијъ́, ш́ш́игл́еватыјъ́, л́еса др́емуцыјъ́, катwрыјъ́, рαсхарwшыјъ́.

Въ положеніи же послѣ мягкихъ согласныхъ находимъ на мѣстѣ редуцированной гласной обычно *и*, которое переходитъ въ *ы* послѣ отвердѣвшей согласной. Примѣры:

— *и* на мѣстѣ конечнаго *е*: буд҃ити, хат҃ити, идити, прас҃тити, л҃ажити, пр҃иѣд҃ити, пушѝи, пашыр҃и.

— *и* на мѣстѣ конечнаго *ъ*: н҃ев҃ѣс҃ти, на дарѡг҃и, ф с҃вѣт҃и, на гр҃ив҃и, г баѝи, на рас҃вѣт҃и, ф царс҃тв҃и, вм҃ѣс҃ти, ф пол҃и, пр҃и дал҃иѝи, на свад҃б҃и, на дубоцк҃и, в мор҃и, ф тѡм жа раз҃и, ад б҃ер҃оз҃и, у старыс҃ти.

— *ы* на мѣстѣ конечнаго *е* послѣ отвердѣвшей согласной: дажы, вышы, дал҃шы, бѡл҃шы, параѝшы, бл҃ижы.

— *ы* на мѣстѣ конечнаго *ъ* послѣ отвердѣвшей согласной: Алёшы, к м҃ѐл҃ѝицы.

Но въ цѣломъ рядѣ случаевъ вмѣсто *и* (*ы*) находимъ послѣ мягкихъ согласныхъ ă. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что ă вытѣснило *и* подъ вліяніемъ аналогіи, а именно ассоціаціи со звукомъ *о*, *а* въ ударяемомъ слогѣ; такъ въ им.-вин. находимъ ă подъ вліяніемъ окончанія *о* подъ удареніемъ (мор҃ă, вѡл҃ă подъ вліяніемъ с҃елѡ, хвала), такъ же въ 3 л. ед. (нѡс҃ă подъ вліяніемъ ид҃о); въ частицѣ «же» *е* замѣняется черезъ ă подъ вліяніемъ слабоударяемаго жо (замѣняющагося черезъ жă).

— в мор҃ă, вдвоjă, в услужѐн҃jă, на с҃jед҃ѐн҃jă, на сабл҃уд҃ѐн҃jă, ад҃ejан҃jă, на пр҃из҃р҃ѣн҃jă, баб҃jă в҃ез҃ѐн҃jă, с҃ед҃ѐл҃ц҃ă новакован҃jă, д҃ѣфкă харѡш҃jă,

— 3 ед. пан҃ивajă, буд҃ă, захѡч҃ă.

Вытѣсненіе *и* изъ ε черезъ ă въ подобныхъ случаяхъ повело и къ вытѣсненію исконнаго *и* въ окончаніи 3 л. ед. черезъ ă: прапус҃т҃ă, пр҃ихѡд҃ă, паложă, не хѡд҃ă.

— тожă, адны и т҃ѣжă, г҃д҃ѣжă, тоджă, туджă, тагжă, буд҃жă, штожă, цавѡжă

Неясно ă въ раз҃ă. Въ сказкахъ находимъ -с҃а, напр. jев҃ис҃ă, jев҃ил҃ас҃ă.

Отпаденіе редуцированной гласной видимъ, напр., въ случаѣ, какъ: какој ӣи набуѓ рукамеслѡ.

Отмѣчу редуцированныя гласныя въ словахъ слабоударяемыхъ (союзахъ, нарѣчіяхъ). Союзъ да является обычно въ формѣ да и ды: Иван ды Марја, цесѓ да хвала, думаѓ ды гадаѓ, да и самӣ вы там быӣли. Вмѣсто јешшо находимъ ишшӑ: с̀ нед̀ӗӀу ишшӑ, ты мнѣ ишшӑ будиш нужын, а мѡжӑ ишшӑ, ӣи даѣхаӀи аны ишшӑ. Вмѣсто так—тαк и тык: вѡт тык цаѓ; вмѣсто как—кαк и кык: а кαк наступӣит, а кαк врос̀ пашӀи, шо кαк етӑт баγатыѓ-тӑ. Вмѣсто хоѓ—хаѓ и хуѓ.

Нефонетическіе процессы, связанные съ редукціей гласныхъ.

Мы видѣли выше нефонетическое вытѣсненіе редуцированныхъ гласныхъ α и ε (откуда *и*) черезъ ӑ въ конечныхъ слогахъ какъ закрытыхъ, такъ и открытыхъ. Въ закрытыхъ слогахъ сохранялись редуцированныя гласныя α и ε (*и*), только тамъ, гдѣ онѣ не ассоціировались въ окончаніяхъ съ ударяемыми гласными *а* или *о*, при чемъ, какъ мы видѣли, явленіе перехода α въ ӑ настолько обобщилось, что вызвало въ закрытыхъ слогахъ общій переходъ α въ ӑ.

Благодаря редукціи гласныхъ, въ соотвѣтствіи съ гласной *о* подъ удареніемъ, въ слогѣ предударномъ являлась гласная *а:* носӣиш—нашу, просӣит—прашу; это вызвало замѣну этимологическаго *а* подъ удареніемъ черезъ *о* и ѡ; ср. появленіе плѡтӣит, падѡрӣит, свѡӀӣит, пасодӣит вмѣсто платӣит, падарӣит, свалит, пасадит при плачу, пαдарӯ, свалӯ, пαсажу. Обратно вмѣсто лӧвим, лӧвит—лавим, лавит.

По той же причинѣ гласнымъ *а*, *о* послѣ мягкихъ согласныхъ подъ удареніемъ соотвѣтствуетъ гласная *е* въ предударномъ слогѣ: нос при несу, запрак при зαпрегу. Обобщеніе чередованія *о*—*е* вело за собой вытѣсненіе ударяемаго *а* черезъ *о*. Такъ явилось запрок вм. запрак.

Нѣкоторыя другія явленія въ области гласныхъ.

Измѣненіе гласныхъ подъ вліяніемъ согласныхъ разсмотрю ниже.

Объ измѣненіи *е* въ *о* передъ отвердѣвшими шипящими и *р*, за которымъ слѣдуетъ отвердѣвшее *ж*, сказано выше. Тамъ же отмѣчено

спорадическое измѣненіе *ѣ* въ *и*, въ случаяхъ какъ дивир, инік, сивиркă. Непонятно измѣненіе нацофкі (ночевки) въ нацыфкі.

Остановлюсь здѣсь на стяженіи гласныхъ. Встрѣчи гласныхъ вызываются или соединеніемъ конечной гласной предлога съ начальною гласной слѣдующаго слова; при этомъ видимъ стяженіе *ао* въ *а* въ ударяемомъ и неударномъ слогѣ: на зири вм. на озири, зазирăм; на кнѣ вм. на окнѣ; набѣдат; *аи* стягивается въ *ы:* зыгралă пѣсну; *аа* въ *ы:* ныбарωт. Или такія встрѣчи являются въ результатѣ выпаденія неслогового *и* между гласными. При этомъ *аи* стягивается въ *ы:* думым, дѣлыт, заигрывыт, потцывыт, спрашывыт, падумыш, подумыт, здѣлыш, цуствыт (изъ цуствαит, а это изъ цуствуит), аддѣлыцыть (отдѣлается), када раздѣлытис; впрочемъ, рядомъ находимъ -ăт, -ăм, восходящія, быть можетъ, къ давно стянувшимся -аеть, -аемъ: цавωкат, наискыват; *ау* стягивается въ *у:* привазывут, зафтрыкут, паказывут, штокут, абѣдут, заигрывут, савѣтыву, придѣлу; въ прилагательныхъ *аа* стягивается въ *а*, *уу* въ *у*, *ое* въ *о:* кросна, царску доц, γасударску, ф цорну грăс, черкаскă седлω, лоґинкă рабωтушкă, парцову, шалкωву, ф спалну, рαсхарωшу, зара бѣлă занелас, јиху лωдыцку, ва быстру реку; вм. *ыи* находимъ *ы* въ астафшы денґи, бαγатырски дасѣхи, лѣшы, дωбры луди; *αε* въ предударномъ слогѣ переходитъ въ *а:* к маму брату, к сваму седлу, савω хазаина, мужу маму.

Неслоговое *и* выпадаетъ въ словахъ клемо, клемом, наклемлу, наклемлонăј. Также въ падом вм. пајдом, выґиґ. Также въ сецас. Подъ вліяніемъ *и* слогового въ родственныхъ формахъ *и* неслоговое замѣняется черезъ слоговое *и* въ иицо вмѣсто јејцо подъ вліяніемъ р. мн. јеиц; отсюда дальше ицо.

Согласные звуки.

Въ Лѣкинскомъ говорѣ извѣстны слѣдующія согласныя: *сонорныя:* плавныя *р*, *л* и носовыя *н*, *м;* *шумныя:* *п*, губная *б*, губнозубныя *ф*, *в*, зазубныя *т*, *д*, *с*, *з*, альвеолярныя шипящія *ш*, *ж*, слитныя свистящія

ц (*дз*), слитныя шипящія *ч* (*дж*), средненебныя *ќ*, *ѓ*, *х́*, (j), задненебныя *к*, *г*, *х*. Всѣ эти звуки, кромѣ средненёбныхъ и слитнаго шипящаго *ч*, которыя всегда мягки, и слитнаго свистящаго *ц*, которое всегда твердо, извѣстны не только въ твердомъ видѣ, но также и въ мягкомъ (палатилизованномъ) видѣ. При этомъ, однако, природа *л́* совершенно отлична отъ *л*; звуки *ш* и *ж* вообще только тверды, но въ сочетаніяхъ ш́ш́, ж́ж́, а въ единичныхъ случаяхъ и при другихъ условіяхъ извѣстны и мягкія *ш*, *ж*.

Замѣчанія объ отдѣльныхъ согласныхъ.

Вмѣсто *н* я слышалъ задненёбное нг въ жы́ре́бонгкӑ, жы́ре́бонгкӑФ. Въ Пласкωв́йӑ и уменьш. Плωн́ӑ звукъ *л* замѣнилъ *р* при условіяхъ неясныхъ (вліяніе какой-нибудь аналогіи). Въ мαластыр также нефонетическая замѣна *н* черезъ *л*. Двойное, долгое *н*, напр., въ кωннывӑ, страń́ни́ки, загув́оннαйӑ.

Мягкое *б* исчезаетъ въ формахъ с́еjа, т́еjа, т́еѣ; исчезаетъ *б* и въ словѣ баушкӑ.

Мягкія губныя передъ гласными, въ особенности въ женскомъ говорѣ, переходятъ въ сочетаніе губная + іотъ или неслоговое *и*: в́jаń́ӑ (вянетъ), в́jажыт, п́jат́ирӑ, п́jат́ӑj, п́jат́ń́ицӑ, м́jатӑ, м́jасӑ, м́jафкӑj, п́jотрӑ (Пётръ), п́jат́, п́jос, т́еб́jа, жив́jо, с́м́jат́, у п́jатń́ицкαвӑ.

Звукъ *ф* въ положеніи передъ гласными встрѣчается только въ заимствованныхъ словахъ; въ своихъ онъ замѣняетъ исконное *в* въ концѣ словъ и передъ глухой согласной, а также *х* въ концѣ слога (см. ниже); является вмѣсто *хв* въ словѣ Фωст.

Шипящія *ш* и *ж*, какъ указано, всегда тверды. Мягкое ж́ я слышалъ въ единичныхъ случаяхъ, напр. передъ j: м́ед́в́ѣ́ж́jив́ӑ (но вообще *ж* и *ш* тверды передъ j, напр. шjу), также дарωж́ин́ку; также въ жыж́ни вм. жыз́ни. Мягкое *ш* является на мѣстѣ ш́ш́ (исконнаго *шч*): во-первыхъ, въ началѣ слова, въ единичномъ, впрочемъ, случаѣ, именно въ ш́о вмѣсто ш́ш́о, во-вторыхъ, послѣ согласной въ серединѣ слова: jемш́ик, жѣń́ш́ину, патолш́и, въ-третьихъ, въ концѣ слова: дош́, хвωш́, в́ѣш́. Двойныя или долгія ш́, ж́ соотвѣтствуютъ исконнымъ *шч* и

ждж: нешшаśjă, шшипаť, мушшинă, вѣшши, дажжа, пожжи, важжоју, уježжајут; кромѣ того шш въ словѣ шшо восходитъ къ *чт*, также шшоп, шшол, патамушшă; произношеніе што вмѣсто шшо свойственно только лицамъ, усвоившимъ городское нарѣчіе; подражаніемъ имъ объясняется произношеніе јешто вмѣсто јешшо. Двойное ж изъ жд въ жжи (жди), ни дожжуцца.

Слитное свистящее *ц* всегда твердо; оно восходитъ не только къ исконному ц, но также къ ч, которое замѣняетъ систематически въ женскомъ говорѣ: царь, кушец, ноц, доцкă, нецкă, к цаму, не плац, дефцонацкă, прицыну, крицыт, цји (чіи), старицышшă, ф патцынеји, вин. дѣвицју. Въ говорѣ лицъ, подражающихъ произношенію городскому, кромѣ ц извѣстно и ц на мѣстѣ ч; такъ можно услышать по жыцинки (уменьш. отъ жыца), доцинку, г баранцику, жолуц (въ значеніи желчь въ муж. р.). Рядомъ съ шшаśjă, нешшаśја слышится сцаśjă, несцаśjă; ср. сцытаť при шшитаť. Въ тѣт, тѣтот ц замѣнено черезъ ť. Звонкое дз находимъ на мѣстѣ ц передъ слѣдующею звонкою шумною при соединеніи двухъ словъ: нодзбыла. Двойное *ц* (изъ *тс*) напр. въ гледиццы, дивиццы, ацца, садаццут, аццудă (и ацудă). Вмѣсто цц въ особенности въ слогѣ, не слѣдующемъ непосредственно за удареніемъ, слышится обычно ц: памѡлицыť, умывајуцут, и т. д.

Слитное шипящее *ч* всегда мягко; какъ указано, въ женскомъ говорѣ оно вытѣснено черезъ *ц*, но проникаетъ туда нерѣдко изъ мужского: бачка (вм. батюшка, см. ниже). Нерѣдко слышится двойное *ч* (не замѣненное черезъ двойное *ц*): луччи, апцоччикă (обчетчика). Звонкое дж мягкое на мѣстѣ *ч* передъ слѣдующею звонкой шумной согласной при сочетаніи словъ является, понятно, только въ мужскомъ говорѣ.

Средненёбныя *ґ*, *ќ*, *х́* извѣстны вообще только передъ гласными какъ передняго ряда, такъ и задняго (въ послѣднемъ положеніи они замѣнили задненёбныя *г*, *к*, *х* подъ вліяніемъ предшествующихъ мягкихъ согласныхъ): на наґѣ, в ухи, ф кабаќѣ, хитрѡ, лоґинкă рабѡтушкă, с валками, гуśку, з гуśком.

Согласная ј слышится въ мѣстн. ед.: в Боји (въ Богѣ). Вообще же согласная ј не замѣняетъ, какъ кажется, неслогового *и*; въ словахъ јих,

jêć́т, л́ић́jă слышится не согласная j, а неслоговое *и*. Впрочемъ, въ положеніи послѣ согласныхъ неслоговое *и* приближается къ согласной j и можетъ переходить въ нее; этимъ объясняется исчезновеніе неслогового *и*, нерѣдкое послѣ согласныхъ въ слогахъ неударяемыхъ: у д́ечка́, ф сабра́ни, д́икана, брат́ă, брат́иф, л́ић́тиф, тре́т́ă, п́ерă, плат́ицă, вз́ал цар́ ввн́имань, пал́ѣна́ми, ваша́ благарод́ă, ć́екуцă (экзекуція), пал́ицă (полиція).

Задненёбныя *к*, *г*, *х* не сочетаются вообще съ *ы;* въ ударяемыхъ слогахъ совсѣмъ нѣтъ подобныхъ сочетаній; въ неударяемыхъ (заударныхъ) они возникаютъ частью въ результатѣ перехода редуцированнаго *ă* въ *ы* (ширѡкывă, зеркылă), частью въ результатѣ замѣны средненёбныхъ согласныхъ задненёбными, вызванной аналогіей; такой случай въ образованіяхъ на -ивăт́, какъ атн́ѣкывалć́и (ср. *к* въ атн́ѣкăцдă), паискывăт́ (ср. *к* въ паискат́), прат́агывал́и. Звукъ *х*, какъ мы видѣли, послѣдовательно переходитъ въ *ф* въ концѣ слога: ф пăстухаф, ф старастăф, ф ć́иратаф, в задѣлкăф, на скаскăф, л́офкăj, м́jафкăj, вызбăф, на гараф, на кăстыл́аф, л́офкăjă (лёгкое), пр́и дѡбрых-т́и л́удăф, ва фć́ѣх д́вер́аф и прахѡдăф и т. п. Слово куфн́ă едва ли идетъ сюда, въ виду его распространенности въ другихъ нарѣчіяхъ. Особо пан́аф́иткă, ср. пан́их́идă; Хл́имаќинă вм. и при Фил́имаќинă (назв. деревни). Впрочемъ, въ произношеніи нѣкоторыхъ удерживается *х:* ф кахт́ах, л́ехкѡ, тахтă, трахт́ир, кехтăму.

Неясно, почему *х* въ пăкаран́ил, скаран́ила, пăкаран́ит́, пăкаран́ит́ измѣнилось въ *к*. Въ кăравѡт *к*, повидимому, древнѣе, чѣмъ *х*. Неясно *г* вм. *к* въ вăргават́, варгуит. Обратно *к* вм. *г* въ вă клубѡкăj погр́ип.

Звукъ γ находимъ только въ нѣсколькихъ заимствованныхъ изъ книжной рѣчи словахъ: γăспѡт́, γоспад́и, Боγă, Боγу, γăсудар́, у γăсудар́ă, Баγдан, блыγдар́у, блăγадарнăć́, блыγадарствăjу (однако извѣстно и блыгдар́ат), băγатыр́оф, у băγатывă; также въ буγор, ден́γи. Кажется, γ слышится и въ. словѣ γд́ѣ, но многіе произносятъ съ *г*: гд́ѣ, также г барану, кагжă. Произношеніе када, тада, тады ведетъ, вѣроятно, къ кăуда, тăуды; д́ѣ вм. гд́ѣ. Блăславл́аjут предполагаетъ блăγаславл́аjут.

Измѣненія согласныхъ въ зависимости отъ положенія ихъ въ словѣ.

Какъ мы видѣли, начальное *ш́ш́* переходитъ въ ш́ въ словѣ ш́о.

Въ концѣ слова ш́ш́ измѣняется въ ш́: дош́, вѣш́.

Конечныя звонкія согласныя переходятъ въ концѣ слова въ глухія: дуп, другоре́т, кроф́, земцук, астрок, сем́ рас, з де́роф, ви́тизъ́аф, пр́ику́ценъ́јаф, ради́ти́ла́ф, цетве́рк, нωф высωк те́ром, ми́сает, Бох помач, вывът, фсѣх не́рот уне́сут спат, кна́с, крук јејо, па́вос, вдрук, скрос́ акна, не́ нарушыф, ф кѣ́јаф, ле́ф, и т. д. Измѣненіе конечнаго *г* въ *х* неизвѣстно.

Въ концѣ слова (а также въ концѣ слога) *х* переходитъ въ *ф* (см. выше).

Въ началѣ слова вмѣсто *вз* находимъ *з*: дѣ не́ зал́са́, зашол, зашли́, здумъ́л, с аднавω змаху.

Въ концѣ слова вмѣсто *бл́* находимъ *л́*: руп́, карап́; вм. *тр -т*: по́т, бур́ми́ст (поэтому и бур́ми́стъ́м въ твор.).

Сочетаніе *ст* переходитъ въ концѣ слова въ *с*: мос, радαс́; подъ вліяніемъ аналогіи также радαси́н вм. радостенъ.

Измѣненія согласныхъ подъ вліяніемъ другихъ согласныхъ.

Глухія шумныя согласныя переходятъ въ звонкія передъ шумными звонкими, кромѣ *в:* зо́билъ́, з де́та́ми, з гле́дѣ́н́јъ́, туджъ́, тагжъ́, аддајоти, кαг зα ди́том, шызде́сат, пр́ид женωј.

Обратно, звонкія шумныя переходятъ въ глухія передъ шумными глухими: ф се́наф, пат пе́цку, буттти, абраги́фшыс́, фтыкајут, зафтр́ъ́, фсо́, дѣ́фкъ́, ффи́ли́пафки́, выпи́фкъ́, фташ́пи́ли. Отсюда уменьшительное: вωтыцка.

Звукъ *к* переходитъ въ *х*, передъ *т* и *к*: ле́хко, кахтах, кехтαму, трахти́р, тахтъ́, хто. Но рядомъ находимъ и к кна́зу, к царе́ви́ни, к калωццу, к кудр́ъ́м, к кылдунам.

Вмѣсто *ч* передъ *н* обычно *ш:* вѣ́шнъ́, би́зрубашнαјъ́, ни́удашнαјъ́, кашы гре́шни́вај, сундуш́ни́къ́ф.

Вмѣсто *м* передъ *н* является *в:* гувнω, на гувнѣ́, отсюда и загу́воннαјъ́ карга.

Въ сочетаніи *хв* звукъ *в*, ассимилируясь предшествующей глухой согласной, переходитъ въ *ф:* хфωст, отсюда и фωст. Весьма замѣчательно измѣненіе слова схωткă, отмѣченное мною въ деревнѣ Ефремовской: схфоткă; возможно, что это ведетъ непосредственно къ схўоткă (схωткă), при чемъ хў перешло въ *хф* такъ же, какъ *хв*.

Измѣненіе согласной подъ вліяніемъ несосѣдней согласной слѣд. слога находимъ въ случаяхъ, какъ родъ жыжи́ни вм. жизни, па гроб жыжи́ни, бачушкă, вм. ба́тушкă, земцу́к вм. жемчугъ, зе́лѣзă вм. желѣзо.

Перестановку плавной въ сосѣдній слогъ находимъ въ словѣ калбук, калбуки́ вмѣсто клабук, клабуки.

Звукъ *ф* выпалъ передъ *с* и передъ *ш* въ случаяхъ, какъ маскоси́кијă, он со́ ни вылази́т, кушыни́цык.

Звукъ р́ отвердѣваетъ послѣ двухъ согласныхъ: зафтрык, зафтрыкут, скрып.

Сочетаніе *шс́* переходитъ въ *с́с́:* падавися́и.

Условія появленія мягкихъ (палатализованныхъ) согласныхъ.

Въ положеніи не передъ гласными передняго ряда и не передъ тѣми гласными задняго ряда, которыя замѣнили исконныя гласныя передняго ряда (*а* изъ носового *е*), мягкость согласныхъ зависитъ отъ слѣдующихъ причинъ. Во-первыхъ, отъ вліянія на согласную исчезнувшаго изъ произношенія звука ъ: с́ём́, голуп́, кроф́, астаф́, с́ил́нăj, бол́нă, с́ём́-дис́а́т, в зём́. Въ противоположность московскому нарѣчію звуки *р* и *н* не отвердѣли передъ слѣдующимъ *и*, нѣкогда мягкимъ: кα вен́цу, вин́ца, вен́цан́ју, ф кан́це, Кан́цовă (р. п. отъ прозв.), кан́ца, плате́н́цă, кωн́цылс́и; ср. также се́рц́ă, стар́шых, са стар́ц́ăм, стар́шăj. Но *н* въ ден́жонαк отвердѣло передъ *ж* (рядомъ и ден́жонαк). Такъ же мягко *с* въ суффиксѣ—*ск:* черкас́кă се́длω; поэтому и зём́с́кαму, кωн́скăj, дире́вен́скăj, цар́скăj, пе́чер́скăj. Въ и́писмω *с* отвердѣло. Конечное *т* въ 3 л. ед. и мн. отвердѣло; оно мягко въ реченіи Бознắт ши́о, Бознắт с цавω, также мωжыт́: ја бы мωжыт́ направи́лắс́; кромѣ того оно мягко въ 3 ед. возвратнаго глагола: он прωси́ццыт́, падве́рни́ццыт́, балуиццыт́, здарωвыццыт́, адеваиццыт́, нацынаицыт́;

между тѣмъ въ соотвѣтствующей формѣ 3 л. мн. *т* твердо: а́ни прш-сицут, балуицут, а́девацут. Конечное *с́* въ формахъ возвратныхъ глаголовъ осталось мягкимъ: зава́ла́с́ е́рш, баjу́с́, ни га́нис́, гатшфтис́, на́лубила́с́, кре́стис́, стана́вис́, ката́лис́, утри́с́, слуцылш́с́. Вмѣсто те́не́р слышится и те́пер.

Во-вторыхъ, видимъ мягкое *р* въ сочетаніи *ер* передъ губными, губнозубными твердыми и задненёбными; мягкость его восходитъ къ общерусской эпохѣ и ведетъ къ общеславянской полумягкости: не́рвăj, цер́кăф́, ве́рх, цетве́рк. Впрочемъ, весьма обычно и произношеніе съ твердымъ *р:* ноц е́рву, зе́ркылă.

Въ-третьихъ, зубныя шумныя и носовое *н*, а также *р* мягки передъ всѣми вообще мягкими согласными: горс́т́, бурмисты, вызбѣ, замерзни, замерзли, скармил, гшрницу, мидвежонак, отпир, атпирај, дверн, женшину, парнă, црес́ ниделу. Едва ли однако мягки согласныя передъ *р:* три, кудри. Отмѣчу цэрис́ три двара. Конечныя согласныя предлоговъ над, под, роз, из, от часто остаются несмягченными.

Въ-четвертыхъ, въ противоположность московскому нарѣчію, губныя мягки не только передъ мягкими средненёбными (шшѣпки, лафки, рыпки, дѣ зыпки, дѣфки, крѣпкија, однако, почему-то нѣмки, рядомъ также дѣфки), но также передъ мягкими зубными: землу, деревня, в деревни, к царевни. Впрочемъ, я слышалъ и твердыя губныя въ этомъ послѣднемъ положеніи.

Въ-пятыхъ, въ иностранномъ словѣ рейдă (аренда).

Въ-шестыхъ, мягки *г, к, х* передъ *а, о, у* въ положеніи за мягкими согласными и j, причемъ мягкость средненёбныхъ вызвана вліяніемъ предшествующаго звука на задненёбныя согласныя: гуска, гуску, з гуском, с валками, Санкă, Санку, толкă, тршjкă. доцинку, нустшjкă, нитаскуjкă, падружункă, горкă, тонинкăj пруѓик, в радитилскăj дом, ат Арлшскăj, тушнинкăj, Арлшскă схшткă, патихонку, харашенкă, лихадѣjкă, принимаjкă, адиношынкă, манинкăj — денгу — на тѣх валхах.

Еще о нѣкоторыхъ явленіяхъ въ области согласныхъ.

Сочетаніе *нр* переходитъ въ *ндр:* пандравицца.

Звукъ *к* выпалъ въ кр́инул. Въ ѳстри́пехнулаѯа́ видимъ вставку *х*, вызванную вліяніемъ аналогіи (ср. поперхнулась, всколыхнулась).

Второе полногласіе находимъ въ им. ед. жолуц (желчь), род. жолца́.

Въ рѡшша́ аграматнаjа́ *т* замѣнило *д* подъ вліяніемъ какой-нибудь аналогіи.

Сочетаніе *ѯ́т́* переходитъ въ *ѯ́:* ниша́ѯаjа́; сочетаніе *ѯ́мн* переходитъ въ *ѯ́м:* аѯ́мацаѓ́.

Взаимное вліяніе гласныхъ и согласныхъ.

Гласныя передняго ряда по общему правилу смягчаютъ предшествующія имъ согласныя, кромѣ однако постоянно твердыхъ *ц, ш, ж.*

Замѣчательно, что *е* въ произношеніи многихъ лицъ вызываетъ не мягкость, а только полумягкость согласныхъ: на ӗевѡ, к ӗему, ӗевыбралъ, аӗец, ӗевѣц, деӗжонак. Въ произношеніи нѣкоторыхъ женщинъ я замѣтилъ даже совершенное отсутствіе мягкости согласной передъ *е:* тепер, рaзберу, вецырă, атѣц, дварѣц, небылă, нелофкă, деӗник.

Какъ мы видѣли, согласныя твердыя въ соединеніи съ гласными передняго ряда извѣстны вообще только въ сочетаніяхъ конечной въ словѣ (предлогѣ) согласной съ гласными *и* или *е* слѣдующаго слова: он и сам, к етаму, хотя обычно *и* переходитъ въ такомъ положеніи въ *ы:* он ы паѣхăл. Послѣ *ж, ш, ц* звукъ *и* вслѣдствіе отвердѣнія этихъ согласныхъ переходитъ въ *ы:* жыр, шыл, цыстă; вмѣсто ы слышится обычно звукъ средній между ы и и, когда за нимъ слѣдуетъ мягкая согласная.

Оказываютъ ли вліяніе на произношеніе предшествующихъ согласныхъ гласныя задняго ряда и какія именно, осталось для меня неяснымъ; съ большею или меньшею увѣренностью утверждаю, что звуки *у* и ѡ лабіализуютъ предшествующія согласныя; *о* и также ô по моимъ наблюденіямъ имѣютъ передъ собой согласныя нелабіализованныя. Изъ такихъ явленій, какъ сaндуки́, вм. сундуки́, правajу вм. правуjу, можно заключить, что неударяемое *у* не лабіализуетъ предшествующей согласной.

Передъ *ы* согласныя всегда тверды.

Губныя въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ случаяхъ могутъ измѣнять редуцированный звукъ *ɑ* въ *у*: супаґи, вм. сɑпаґи.

Звукъ *л* въ положеніи послѣ *о* въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ повліять на измѣненіе слѣдующихъ за нимъ звуковъ *ы* и *ɑ* въ *у*: молу́т, прамолулс́и вм. молы́т, прамолылс́и изъ молв́ит, промолв́илс́и; жолуц вм. жолоч (изъ жолч со вторымъ полногласіемъ). Неясно происхожденіе *у* въ падружу́нкă, но вѣроятно, что оно стоитъ въ связи съ отвердѣніемъ *ж* и его лабіализаціею послѣ *у*.

Между двумя мягкими согласными звукъ *е* переходитъ въ ê, а звукъ *а* въ ä: д́ếн, п́ä́т. Звуки *о* и *у* въ такомъ же положеніи переходятъ въ ô и ŷ, т. е. звуки средніе между *о* и *е*, *у* и ü.

Ударе́ніе.

Укажу здѣсь нѣкоторыя отступленія отъ обычнаго мѣста ударенія, отмѣтивъ теперь же, что всѣ они зависятъ отъ тѣхъ или иныхъ морфологическихъ и лексикологическихъ причинъ (вліянія аналогіи). Располагаю эти отступленія по морфологическимъ категоріямъ.

Существительныя. Вин. ед. шута́, дат. шуту́ и т. д.; ни уса́ н́ѣт; род. судара́, дат. судару́; въ сказкѣ: Мо́скву ца́рску; пра т́а слыху́ н́ѣту (рядомъ: н́ѣт н́и слы́ху, н́ѣт н́и ды́ху); им. мн. кан́и; на р́еку; до́ ɑзгу. Дев́о́цкă, д́евоцки́.

Прилагательныя. Талсто́й, м́елко́й; м́ило́й (въ пѣснѣ); нɑ б́елы́ руки́, пɑ белу́ с́ви́ту (въ пѣснѣ).

Мѣстоименія. Са́мă нɑт сабо́й.

Глаголы. Бл́еју́т, но и бл́е́илă. При вы́ид́ит также выѣд́ит. Наст. вр. 1 л. ед. лу́блу, н́е прѡ́су и т. д. (см. ниже, въ спряженіи). Причастія: о́тпус́тил, пу́с́тил, пус́тила́, мы бы т́а пус́тили́; слуцылѡ́с́; пɑслала́ и пасла́лă; взелс́и, аткул́ н́е взилс́ɑ, абн́а́л; раздалс́и, сабра́лс́и, назва́л; фн́илс́и; рад́и́лă, рад́и́ли, рад́и́лắс́, паро́ди́ли; пало́жылă. Т́е́ра́т́, пат́е́рилă вм. терять, потеряла.

Склоне́ніе.

Въ склоненіи словъ муж. рода находимъ окончаніе *-у* въ род. ед. въ тѣхъ же словахъ, что въ московскомъ нарѣчіи: ат етыва звону, ат в́ѣтру, м́имă саду, б́из дакладу, б́из дапрѡсу, н́и да п́иру, са фс́евш

сѣ́ѣту, са сви́сту мавѡ, с пе́рвывѣ́ удару, бис пара́тку, из роту, посли́ бѡју, до́ мазгу; родительный вещества: шыстери́ку, палубни́ку сотну́. Рядомъ находимъ с тери́мѣ́ и с высѡкавѣ́ те́ри́му. Нерѣдко -*у* въ уменьшительныхъ: из ракитавѣ́ кустоцку, крај јѣ́ли́ницку крај бере́зни́цку, изу ле́сику ле́су то́мнывѣ́, изу са́дику саду зе́ло́нывѣ́. Подъ удареніемъ: с цасу́ на цас, канцу не́т, ат е́нцу, пра та́ слыху́ не́ту (ср. не́т ни слыху, не́т ни дыху).

Мѣстн. ед. на *у* при тѣхъ же условіяхъ, что въ моск. нарѣчіи; Ф сталбу́ предполагаетъ накоренное удареніе въ прочихъ падежахъ ед. числа, ср. дѣйствительно: к етаму сто́лбу.

Отмѣчу -*и* подъ удареніемъ вмѣсто -*ъ:* на Ивани дурацки́.

Имен. мн. на -*а* является кромѣ случаевъ, обычныхъ и моск. нарѣчію, также и въ сталба́ (ср. только что сказанное объ удареніи этого слова), граба́, маста́ (ср. въ тв. ед. мо́ста́м).

Кромѣ -*а* въ случаяхъ какъ кре́сјана́ является -*ы:* хре́сјаны, пајежжа́ны. Отъ кочит им. мн. съ собирательнымъ суффиксомъ и неяснымъ (по происхожденію) *д* вм. *т*: кацад́ја́. Отмѣчу им. мн. дактары́. Вмѣсто ко́ни—кани́.

Во множ. находимъ сохраненнымъ суффиксъ -*ин:* род. мн. басурмани́нѣ́ф, злых татари́нѣ́ф.

Въ род. мн. отъ сын—сыни́бо́ф, указывающее на им. мн. сыни́ја́. Отъ сасѣ́т—сасѣ́дѣ́ф. Вмѣсто -*ей* находимъ -*ов* въ род. мн., какъ: багатыро́ф, ви́тизѣ́ф, рад́ити́лѣ́ф.

Неясно братка́ въ им. и зв. мн. вмѣсто братцы.

Слово олень является въ формѣ али́ен, род. али́ена́ въ (сказкѣ). Вмѣсто поросёнокъ, при множ. праса́та́, является прасук.

Въ склоненіи словъ средняго рода отмѣчу род. на -*у:* с нацалу (нарѣчное выраженіе). Множ. отъ пле́цо—плеца́. Слова сѣ́мѣ́, има́ склоняются: сѣ́ма́м, па иму и па оцыству и т. д. Вмѣсто дитя или ди́то является ди́тјо и ди́тја.

Неударяемое -*ѣ́* въ окончаніи им.-вин. мн. систематически уступаетъ мѣсто окончанію -*ы:* окны, варѡты, пузы, сѣ́длы, бестыжаи ли́цы, јајцы (род. мн. јеиц при им. ед. ицо́); подъ удареніемъ: правы́. Въ род. мн.: приклуцени́ѣ́ф.

Нѣкоторыя слова ср. рода перешли въ женскій: ли́бе́де́ј стаду, в мају стаду каѝновују; твор. церѝилају.

Въ склоненіи словъ женск. рода вмѣсто окончанія *-ы* является въ род. *-ъ* и *-и:* у ли́сѣ кумѣ́, с правăј наґѣ, у баби, у краснăј шѣ́лмѝ, край бѣ́лăј бе́рози, у стараśтѝ.

Въ род. мн. отъ труба—трубωф.

Им. мн. отъ зе́лиѝ—зи́ле́на, но отъ јаблаѝ—ја́блаѝни. Вмѣсто пустош обычна форма пусташа́, вин. пусташу. Вмѣсто церкăф́ обычно церквă, вин. церкву.

Въ мѣстн. ед. в паме́тѣ, на грудѣ́. Напротивъ на зарѝ вм. на зарѣ́.

Въ пѣсняхъ сохраняется старая форма руцѣ мѣстн. ед.: на правωј руцѣ́; вм. дв. является въ формѣ ру́чи: платком ручи завезалă. Отсюда новообразованіе, ср. въ пѣснѣ за правăју руцу́.

Слово судья имѣетъ при себѣ опредѣленіе въ женск. родѣ: суди́ја праѝвидна, дат. суди́је праѝвиднăј. Слово да́да́ какъ приложеніе или совсѣмъ не склоняется, или принимаетъ форму да́ди: ’з да́да́ Павлăм, прωсу́т да́да́ Рамана́, з да́ди Павлăм.

Отмѣчу парѣчное выраженіе фсу зима́.

Въ склоненіи мѣстоименій: у мна́, у та́, тѐја, у те́, у тѐјă, с тѐје́, прă сеја, ја те́ камнăм завалу́, ја те́ лублу́. Им. мн. аны́, јены́, аниѝ. Вин. јијо, јејо, ’јо (напр. паѝвол јо). Указательныя: в ефтăј јаѝми, ентăт, ѐнтѝи. Им. мн. адны и тѣжă. Вмѣсто все́ј въ род., дат. и мѣстн. ср. р. обычно фсωј подъ вліяніемъ тωј: са фсωј радньωј, выпиѝт па фсωј. Притяжательныя: мимă јихавă дварца, јиху лωдыцку. Вмѣсто чіи—цји. Вмѣсто кои находимъ каѝи, вм. коей—кајиј, напр. вызбѣ ф кајиј мы живо́м.

Въ числительныхъ: абωих и абѣих, кроми абωих кросных, у абѣх. Въ твор.: з дѐвенацатыми́ багатыра́ми; мѣстн. кабылицу ап семидисит семи жыребонкăф.

Въ склоненіи прилагательныхъ весьма обычны стяженныя формы: иху лωдыцку, царску доц, и мнѣ будит слуга вѣрна, рωдна матушкă, ф цужы луди, весолы денки, как тады мы малинки были, багатырски даспѣхи, лѣшы, дωбры луди, зара бѣлă занелас,

гостѝ лубишшѝи и т. д. Отмѣчу рядомъ: дубѡвыjӑ, прѝиѣжжѝjӑ, рваныjӑ вашы лаптишкѝ, жыѝихѝи харѡшыjӑ.

Въ пѣсняхъ находимъ прилагательныя въ полной формѣ: прочиих лудеj, на тѡм полѝ на тѡм цыстыjѣм, на церкаскѝиjѣм седдѣ, ва шырѡкаим, са красным хрусталнаим.

Въ именной формѣ прилагательныя только въ пѣсняхъ и сказкахъ: на ворана на канѣ, залѡт нерстѝи.

Прозвище Драницын имѣетъ въ дат. Драницынаму, род. Драницынавӑ.

Въ сказкѣ вмѣсто дамѡj: ступај дамѡjу.

Спряженіе.

3 л. ед. числа отъ глаголовъ съ примѣтой *е* по общему правилу не имѣетъ окончанія *-т:* пайдо, прападо, ѝи дајо, ѣдо, идо, ѣсо, ѣдӑ, хтожӑ етӑ будӑ, дакацѝо, кѡлӑ, не мѡжӑ, абѝимӑ, красѝѣjӑ, ѝе знајӑ, сламајӑ, гулајӑ, играjӑ, приѣжжајӑ, пасылајӑ, вызывајӑ и т. д. Гораздо рѣже является *-ит:* плацыт и рыдајӑ, пасылаит, ѝи пущаит, разершаит, свишшит, апушшаит, атвецаит. Окончаніе *-а* замѣнило также окончаніе *-и* въ глаголахъ съ примѣтой *-и:* он не слазӑ, ѝи вылазӑ, он прихѡдӑ, ѝи прапустӑ, ѝе лубӑ, ѝинавидӑ, он хѡдӑ, патхѡдӑ. Рядомъ ѝи вылазит. Гораздо рѣже въ 3 л. мн.: па плецам лежа, ровнӑ жар гара.

Обычна замѣна *-ат* (*ать*) въ 3 л. мн. черезъ *-ут* въ положеніи не подъ удареніемъ: увидут, абидут, ставут, аставут, тѡпут, ухѡдут, выхѡдут, паварѡтут, вылазут, привѡзут, паднѡсут, варут, служут, палуцут, ташшут.

Оригинальны новообразованія въ спряженіи глаголовъ возвратныхъ. Здѣсь въ инфинитивѣ, а также въ 3 л. ед. и мн. за окончаніемъ *-ся, -си,* слившимся съ предшествующимъ *т* въ *-ца, -цы,* приставляются характеристичныя для этихъ формъ окончанія: въ инфинитивѣ *т́,* въ 3 л. ед. *т́* (несмотря на то, что обычнымъ окончаніемъ является *т*), въ 3 л. мн. *т,* а передъ этимъ *т* вмѣсто *ы* звукъ *у,* характеристичный для 3 л. мн. Примѣры:

Инфинитивъ: сад́иццыт́, нап́иццыт́, пакатаццыт́, катаццыт́, давај лад́иццыт́, таргаваццыт́, кре́ст́иццыт́, сватыццыт́, гроп стал апуш́ацыт́ в зем́лу, вид́иццыт́ ни́ хацу, прωс́ут распла́т́иццыт́.

3 л. ед.: кажыццыт́, ни баиццыт́, л́ѣс загар́иццыт́, етӑ у нас называиццыт́, но јесл́и каму ана ни́ лубиццыт́, врупаицыт́, ни́ палагаицыт́, када жен́иццыт́, изба напал́ивыцыт́, дастајоцыт́, етӑ ни́ спытаицыт́, астанавл́ивыцыт́.

3 л. мн.: клан́ицут, вал́ивыцут, мωл́ицут, клан́ицут, расажывыццут д́ѣфки́, астајуццут, сад́аццут, цалуицут, саб́ираицут, рвуцут, в́јуцут, бајацут, с́екуццут, угаш́ваицут р́ебаты.

Рядомъ, рѣже въ женскомъ говорѣ, но часто въ мужскомъ, а также въ сказкахъ, пѣсняхъ слышатся старыя формы, какъ то:

Инфинитивъ: давај лад́иццы, акунаццы, пабарωццы, цалаваццы, д́елиццы.—3 л. ед. ни́ баиццы.—3 л. мн. мωл́уццы, жен́юццы.

Обычнымъ окончаніемъ возвратныхъ глаголовъ является *-си*, а не *-ся* (за несложовымъ звукомъ): ни ламајс́и, сабрал́с́и, взелс́и, рад́ил́с́и, раздал́ся, баис́с́и, сад́ис́с́и, атправл́аис́с́и, пказал́с́и, нан́ел́с́и, сжал́ил́с́и, јев́ил́с́и (за гласными—с́: астајус́, бајус́). Окончаніе *ся* вообще только въ пѣсенномъ языкѣ: салуцылася́, мы варацал́ис́а́.

Въ глаголахъ на *-ать*, *-ају* видимъ стяженныя окончанія: 3 л. ед. д́ѣлыт, зав́азывыт, также спрашыва́т; 3 л. мн.: ни́ шмыгут, прив́азывут, апутывут с́ѣ́т́ју, аб́ѣ́дут, спрашывут, зафтрыкут, с́ва́зывут, выправажывут. Ср. еще стяженную форму выму вм. вымою.

Глаголы на *-ова́т́* въ наст. вр. допускаютъ два образованія, какъ ј́анствыт и ј́анстуит, цуствыш и цустуиш, куда сл́ѣ́дывыт и сл́ѣ́дуит, сав́ѣ́тывут.

Въ настоящемъ времени глаголовъ на *-ит́*, благодаря чередованію ударенія въ формахъ 1 л. ед., съ одной стороны, остальныхъ лицъ, съ другой, видимъ замѣну коренной гласной *а* черезъ ω, *о* въ случаяхъ, какъ свωр́иш при свар́иш и ва́рут, навωл́иш при навал́ит, плω-

т́иш, пасодиш, пасо́дут (причина, почему въ однихъ случаяхъ ѡ, въ другихъ о, неясна). Обратно *а* вм. *о* въ ла́вут вм. лѡвут подъ вліяніемъ лавлу́.

Форма 1-го л. ед. ч. наст. вр. во многихъ глаголахъ подверглась вліянію формъ другихъ лицъ ед. и мн. ч., частью въ отношеніи къ ударенію: лу́блу, ку́плу, пау́цу, ја не́ хѡчу, хахѡчу, дапи́шу, пи́шу, нали́жус́, с́ва́жу, глѡжу, раска́жу, ја вас адма́ну, частью въ отношеніи къ согласной предшествующей окончанію *у:* не́ прѡс́у, с́пу. Вмѣсто памѡжыт находимъ пама́гот. Форма дажду́цъ̆ заимствуетъ свое *д́* изъ 2 и 3 л. ед. и мн. числа; относительно ару́т отъ ара́т́ (кричать) неясно, старше она или моложе обычной великорусской формы арут; пама́гот, жѓот заимствуютъ свое *ѓ* вм. *ж* изъ 1 л. ед. и 3 л. мн.

Отмѣчу формы инфинитива: рѡс́т́, ве́с́т́, спас́т́. Далѣе: ит́и́т́, выт́и́т́, саj́и́т́.

Формы повел. наклоненія: слас́, вылас́; выт́; атваш.

Формы дѣепричастія: крадыце (крадучись), ни́ пимшы́ и не́ ѣмшы, ни́ дajдомшы.

Прич. прош. астафшы́и де́н́ѓи (т. е. оставшіяся).

Прич. страд. отъ глаголовъ на *-ат́* обычно съ окончаніемъ *-т, -тъ̆j*, а не *-н, -нъ̆j:* замара́тъ̆j, пракапатъ̆ глубакѡ, забратај, адда́та и аддата́, на падастла́таjу халс́тину, ни ве́йчатыjъ̆, натаскатъ̆ мнѡга, нъ̆матататъ̆j (ср. рядомъ не́ мотанъ̆j), абадратавъ̆, нохт́и были панарваты. Напротивъ, глаза выкаланы. Ср. формы смалѡтъ̆j, глаза jим пакалѡтыjъ̆, у ме́на мнѡга муки́ памалѡтъ̆, закалѡтъ̆j прасук, искалѡтъ̆j сахъ̆р, размалѡтъ̆j, ана (рожь) смалѡ̃таjъ̆. Отъ нава́рит́: мнѡгъ̆ пи́въ̆ нава́ронъ̆.

Въ спряженіи отдѣльныхъ глаголовъ отмѣчу: сыми́, сыми́т́и; вм. занимаются заjмаjуцъ̆; вм. вынимать—вына́т́, вынаjъ̆, вынаит. Вмѣсто беречь новообразованіе бире́жыт, бире́жыли́с. Вмѣсто сыплетъ, сыплютъ — сы́пит, сы́пут. Вмѣсто покупать — куплять. Вмѣсто пропѣть, пѣть—прапѣи́т́, пѣи́т́, прапѣили. Любопытно: с́ме́лс́и, ана́ с́ме́лас́, мы с́ме́ли́с́, пас́ме́ли́с́ вмѣсто смѣялся, посмѣялся; рядомъ и эти формы. Вмѣсто вязать другое образованіе ве́с́т́и (взяти,

напр. сѣть): везо́т, ве́зут, прош. вяс. Вмѣсто убѣжать обычно уб'ѣц. Вмѣсто оживлять—ажыва́ть (въ сказкѣ): ни́ ажывај ме́на а́ет.

Замѣчательно новообразованіе ви́длӑ вмѣсто видѣла: мнѡгӑ ви́длӑ ја на с'в'ѣ́т'и фс'евѡ харѡшавӑ.

Въ отношеніи видовъ отмѣчу совершенный видъ глагола исполняться. Ну, кагжӑ тваи де́ла? Испалня́лис' ли́?—Ну, фс'о етӑ јему јевилӑс', фс'о испалня́лӑся.

Отмѣчу слѣдующіе случаи согласованія существительныхъ съ числительными: дв'ѣ свашыńки малады, тр'и каретушки залаты; об'и стараны́; а дв'е́наццыт'и галѡф; тут прашли́ двојӑ молаццӑ.

Употребленіе постпозитивнаго -т рѣдко: ваткни мн'ѣ, гыт, тапѡрӑт; а как пе́рвајӑт караи́ уплыл; тр'ета́јӑт караи́.

Dativus ethicus ти находимъ въ такихъ случаяхъ: пака сами́ ти пазда́рѡву, при́ дѡбрых т'и лу́даф, при́ т'омнӑј т'и ноцы. Также т' вм. т'и: а ты луцыт' давај гвари́т' аб д'ѣ́ли.

А. Шахматовъ.

Іюнь 1913 г.

4888

Я. рус. Д.
Ш-31

Цѣна 5 коп.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. И. Глазунова и **К. Л. Риккера** въ Санктпетербургѣ; **И. П. Карбасникова** въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; **И. Я. Оглоблина** въ Санкт-Петербургѣ и Кіевѣ; **И. Киммеля** въ Ригѣ; **Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей)** въ Лейпцигѣ; **Люзакъ и Комп.** въ Лондонѣ.